I. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Информация для цитирования:

Кожокарь И. П. Эффективность права в категориальном аппарате теории права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 48. С. 196–225. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-196-225.

Kozhokar I. P. *Effektivnost' prava v kategorial'nom apparate teorii prava* [Efficiency of Law in the Terminological Apparatus of the Theory of Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2020. Issue 48. Pp. 196–225. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-196-225.

УДК 34-44.3

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-196-225

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВА
В КАТЕГОРИАЛЬНОМ АППАРАТЕ ТЕОРИИ ПРАВА**

И. П. Кожокарь

Кандидат юридических наук доцент,
старший научный сотрудник

Институт государства и права РАН
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

ORCID: 0000-0002-5186-5413

ResearcherID: S-4500-2018

Статьи автора в БД «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-558-586

E-mail: 89272234877@mail.ru

Поступила в редакцию 10.01.2020

Введение: термин «эффективность» – один из наиболее популярных в юридической литературе, его применяют к праву, закону, правовому регулированию, правовым нормам, правоприменению, функциям и функционированию права и к множеству других правовых явлений. При этом в теоретико-правовых и отраслевых исследованиях использование этого понятия, как правило, не сдерживается какими-либо методологическими рамками, в результате чего возникает ощущение его неконтролируемого применения, при котором исчезает какая-либо теоретико-методологическая ценность этого явления. Сложности правового понимания эффективности обусловлены использованием юристами значения этого термина в смежных науках, особенно в экономике, а также прямое применение общенаучного философского понимания эффективности как эффекта, как следствия из любой причины. Категориальный аппарат теории права постоянно пополняется новыми терминами и понятиями, близкими к эффективности права и требующими уяснения в части взаимосвязи, при этом исследование правовой эффективности, которое априори должно быть максимально актуализированным, остается на теоретической основе, разработанной в 70–80-х годах прошлого века. **Цель:** уяснить место эффективности права в категориальном аппарате теории права через определение его самостоятельности и взаимосвязи с другими смежными правовыми категориями. **Методы:** в качестве основного – диалектический метод познания, позволивший рас-

смотреть разработку этого правового явления в историческом аспекте, в разных типах правопонимания и в динамике развития; общенаучные методы исследования (анализ, синтез, дедукция, индукция, сравнение, аналогия) и частнонаучные методы (историко-правовой, юридико-догматический, правового моделирования, толкования права). **Результаты:** показана зависимость понятия эффективности права от типов правопонимания. Специально-юридическое понимание эффективности права, как соответствия между фактическим и предписываемым поведением, растворяется в понятии «реализация права». Многообразие содержательно различных представлений об эффективности права и использование этого термина в различных, обычно сугубо стилистических, целях свидетельствуют об отсутствии его четкого теоретико-правового понимания. Предложено соотношение эффективности права с такими категориями, как эффект, полезность, целесообразность, результативность, оптимальность права. Доказано, что чаще всего эффективность права отождествляют с результативностью (достижением цели правовой нормы). Попытки максимально широкого понимания эффективности права привели к растворению в нем таких категорий, как сущность, содержание, цели, задачи, функции права, правовая культура, правовая психология, правосознание. Эффективность права следует рассматривать во взаимосвязи с такими новыми понятиями, как «регулирующее и фактическое правовое воздействие», «дерегулирование», «регуляторная гильотина».

Ключевые слова: эффективность права; эффективность правового регулирования; эффективность правовой нормы; результативность права; полезность права; оптимизация правового регулирования; категориальный аппарат теории права; «регуляторная гильотина»; оценка регулирующего правового воздействия; дерегулирование; оценка фактического правового воздействия

EFFICIENCY OF LAW IN THE TERMINOLOGICAL APPARATUS OF THE THEORY OF LAW

I. P. Kozhokar

Russian Academy of Sciences
10, Znamenka st., Moscow, 119019, Russia

ORCID: 0000-0002-5186-5413

ResearcherID: S-4500-2018

Articles in the databases 'Scopus'/'Web of Science':

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-558-586

E-mail: 89272234877@mail.ru

Received 10.01.2020

Introduction: the term 'efficiency' is one of the most popular in juridical literature, it is applied to law, legislation, legal regulation, legal norms, law enforcement, functions and functioning of law, and to many other legal phenomena. However, the use of this concept in legal theory and branch-specific studies is usually not restrained by any methodological framework, which results in an impression of its uncontrolled application, when any theoretical and methodological value of this phenomenon vanishes. The fact that lawyers employ the meanings of this term from related sciences, especially economics, and the direct application of the general scientific philosophical understanding of efficiency create great difficulties for legal understanding of the concept. The terminological apparatus of the theory of law is constantly broadened with new terms and concepts that are close to efficiency of law and need to be understood in terms of the relation hereto, while the study of legal efficiency, which a priori should be as

*up-to-date as possible, still adheres to the theoretical basis developed in the 70-80s of the last century. **Purpose:** to clarify the place of law efficiency in the terminological apparatus of the theory of law through determining its autonomy and relationship with other related legal categories. **Method:** the dialectical method of cognition was used as the main method, which allowed us to consider the development of the legal phenomenon under study from the historical perspective, within different types of understanding of law, and in dynamics of development; there were also used general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, induction, comparison, analogy) and specific scientific methods (historical-legal, juridical-dogmatic, legal modeling, and legal interpretation methods). **Results:** the paper demonstrates the dependence of the law efficiency concept on the types of understanding of law. The specific legal understanding of law efficiency as a correspondence between the actual and prescribed behavior merges with the concept 'implementation of law'. The variety of ideas of law efficiency being different in their content and the use of this term for various, often purely stylistic, purposes proves the lack of a clear theoretical and legal understanding of the concept. The paper demonstrates relations between law efficiency and such categories as law effect, law profit, law expediency, law effectiveness, and law optimality. It has been proved that most often efficiency of law is identified with effectiveness of law (achievement of the goal of a legal norm). The attempts to apply the broadest possible understanding of law efficiency led to its merging with such categories as essence, content, goals, tasks, functions of law, legal culture, legal psychology, legal consciousness. Efficiency of law should be considered in conjunction with such new concepts as regulatory and actual legal impact, deregulation, 'regulatory guillotine'.*

Keywords: law efficiency; legal regulation efficiency; legal norm efficiency; law effectiveness; law profitability; legal regulation optimization; terminological apparatus of the theory of law; deregulation; 'regulatory guillotine'; regulatory legal impact evaluation; actual legal impact evaluation

Введение

Аксиомой стало утверждение о необходимости эффективного права, закона, правовой нормы, правового воздействия и регулирования. Однако разнонаправленное и частое использование категории «эффективность» в научных правоведческих работах ставит вопрос о ее самостоятельности и содержании: где она находится в понятийных рядах теории права, с какими смежными категориями взаимодействует и пересекается?

Ученые-юристы неаккуратно используют и многочисленные синонимы слова «эффективность» (приводящий к нужным результатам; дающий наибольший эффект; рентабельный; результативный; производительный; продуктивный; плодотворный; действительный; успешный; полезный; выгодный; практичный) [2, с. 598], забывая, во-первых, что синонимия представляет большую опасность при разработке единой системы доктринальных и легальных правовых понятий, а во-вторых, что одинаковое толкование слов русского языка не означает ненужности их строгого разведения в специальных, частных науках. Всегда ли по-

лезный, результативный и выгодный нормативно-правовой акт является одновременно и эффективным?

Надо отметить, что термин «эффективность» довольно беспорядочно используется и в официальных документах. Так, в Решении Совета глав правительств СНГ «*общественная эффективность инвестиционного проекта* – оценка обоснованности выделения ресурсов на реализацию инвестиционного проекта с точки зрения его значимости для общества. При расчете показателей общественной эффективности в денежных потоках отражается стоимостная оценка последствий осуществления конкретного проекта в других отраслях народного хозяйства, в социальной и экологической сферах»¹. И в этом же документе: «*Эффективность инвестиционного проекта общественная* – это система показателей, учитывающих социально-экономические последствия осуществления проекта, включая внешние эффекты и общественные блага, и характеризую-

¹ О Межгосударственной программе инновационного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2020 года: решение Совета глав правительств СНГ от 18 окт. 2011 г.

щих целесообразность его осуществления для общества в целом». Трудно объяснить, чем вызвана необходимость использования в разных дефинициях двух одинаковых терминов «общественная эффективность инвестиционного проекта» и «эффективность инвестиционного проекта общественная», но из обоих определений мы видим, что эффективность – это и целесообразность, и соотношение ресурсов и значимости, и стоимостная оценка последствий, и польза в виде внешних эффектов и общественных благ. К сожалению, доктринальная ситуация с использованием категории эффективности не лучше.

Поэтому неудивительно, что проблема правовой эффективности не получила единого универсального разрешения, поскольку трудно понять, что вообще нуждается в разрешении. В современной теории права понятие эффективности права и правовых норм остается по-прежнему во многом неразработанным и дискуссионным.

При этом важно учитывать, что эффективность – это общенаучный термин, обладающий множеством междисциплинарных оттенков и аспектов. Если юристы решают использовать, например, экономическое понятие эффективности, то необходимо придерживаться его трактовки, данной в экономической науке. При этом важно обосновать возможность, допустимость и необходимость такого межотраслевого понятийного заимствования. Однако если правовая наука стремится к выработке своего собственного, самобытного понятия эффективности, то не следует использовать экономические условия и критерии для его оценки.

Общенаучное и междисциплинарное понимание эффективности

В переводе с латинского *efficientia* (*effectivus*) обозначает следствие, результат каких-либо действий. Эффективность показывает соотношение между результатом и затратами (ресурсами), которые использовались для достижения полученного результата. Эффективным признается такой результат, который по своей ценности, полезности превышает произведенные на него затраты, т. е. соотношение результата и затрат должно быть позитивным – перевес в пользу результата.

Категория эффективности получила наибольшую разработку в экономических науках, и прежде всего в менеджменте качества, управлении качеством. Согласно ГОСТ Р ИСО 9000-2015 «Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь»¹, эффективность – это соотношение между достигнутым результатом и использованными ресурсами.

В экономическом словаре под эффективностью понимают «достижение каких-либо определенных результатов с минимально возможными издержками или получение максимально возможного объема продукции из данного количества ресурсов. Эффективность потребления означает распределение товаров между потребителями таким образом, что всякое иное перераспределение не может улучшить потребление кого-либо без ухудшения потребления других людей. Эффективность производства означает распределение имеющихся в наличии ресурсов между отраслями таким образом, что невозможно увеличить объем производства каких-либо товаров без сокращения объема производства других товаров» [4].

В другом экономическом словаре мы видим, что «эффективность – это относительный эффект, результативность процесса, операции, проекта, определяемые как отношение эффекта, результата к затратам, расходам, обусловившим, обеспечившим его получение» [47, с. 404].

«Бюджетная эффективность – относительный показатель эффекта для бюджета в результате осуществления государственной функции, реализации программы, инвестиционного проекта, определяемый как отношение полученного бюджетом результата к затратам, расходам, обусловившим, обеспечившим его получение»².

Автор экономико-математического словаря прямо признает, что эффективность не имеет общепризнанного определения, но, по его мнению, «это одна из возможных (важнейшая, но не единственная!) характеристик *качества* некоторой *системы*, в частности, – экономической: а именно, ее характеристика с точки зрения соотношения *затрат* и *результатов функционирования системы*. В зависимости от

¹ ГОСТ Р ИСО 9000-2015. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь // <http://docs.cntd.ru/document/1200124393>.

² URL: <https://ru.wikipedia.org/>.

того, какие затраты и особенно – какие результаты принимаются во внимание, можно говорить об экономической, социально-экономической, социальной, экологической эффективности» [34].

На основе экономической науки аналогичные подходы к эффективности сформировались и в других отраслях, например в электроэнергетике «эффективность – результативность процесса, операции, проекта, определяемая как отношение эффекта, результата к затратам, обусловившим его получение», а также «сопоставление эффекта (результата) и затрат, вызвавших этот эффект (результат)» [27], а эффективность стрельбы «считается высокой, если цель поражается малым количеством боеприпасов с минимумом затрат времени»¹.

В гуманитарно-общественных науках, где конкретно-количественный подсчет затрат и результатов не всегда возможен, сформировался более гибкий подход к этой категории как к «способности приводить к нужным результатам, действенности»². Например, в философии эффективность – это способность причины создавать определенный эффект, а в психологии личности эффективность предстает «как баланс между «продуктом» (результатом) и «источником продукта» (ресурсом, средством, способностью)» [23, с. 374].

Из указанного межотраслевого общенаучного подхода к феномену эффективности мы видим, что он состоит, как минимум, из двух базовых категорий: результата (фактического результата) и источника (ресурсов или затрат, потраченных на полученный результат). Однако нередко учитывают и еще одну категорию для характеристики эффективности – цель, как нужный результат, к которому стремится лицо, использующее источник (ресурс).

Безусловно, право не может не учитывать это общее междисциплинарное понимание эффективности, однако краеугольной проблемой эффективности в праве является ответ на вопрос, что следует понимать под целями, результатом и затратами (ресурсами)? Ответ на этот вопрос связан с типом правопонимания, которого придерживается исследователь категории правовой эффективности.

Эффективность права и типы правопонимания

Кельзеновская позитивистская теория права, как верно отметила Н. В. Варламова, обосновывала эффективность права исключительно действенностью правовых норм: «В данном случае цель правового регулирования заключается в обеспечении определенного (желательного для государства) поведения людей и соотносится с реальным их поведением (результат) и государственно-властными ресурсами (мерами государственного принуждения), которые оказались необходимыми для приведения поведения людей в соответствие с предписаниями правовых норм» [5, с. 214]. Здесь эффективность рассматривается в достаточно простой и понятной форме: как соответствие поведения субъектов права той модели поведения, которое запрограммировало государство в правовой норме: чем больше актов правомерного поведения, требуемого правовой нормой, и меньше использованных санкций, тем эффективнее право.

Наиболее масштабные исследования эффективности права и правовых норм в нашей стране были проведены в советский период. Но несмотря на то, что в целом концепция правовой эффективности также основывалась на юридическом позитивизме, это был не кельзеновский «западный» позитивизм, а социалистический позитивизм, исходивший из марксистско-ленинского подхода о том, что «право – это возведенная в закон воля господствующего класса». Именно поэтому «эффективность правовой нормы есть не просто результат, эффект ее действия, а соотношение между этим результатом и социальной целью, положенной в основу правового предписания» [19; 38, с. 24; 55]. При этом западная теория эффективности советскими правоведами критиковалась. В связи с этим утверждалось, что обеспечение желаемого для государства поведения не является главной целью правового регулирования, «это лишь средство для достижения более глубоких социальных целей, имеющих классово-партийный, общественно значимый смысл» [38, с. 18]. При таком подходе норма может считаться эффективной, если в результате ее действия достигнута социальная цель ее введения, если не достигнута – норма квалифицируется как неэффективная.

¹ URL: <https://ru.wikipedia.org/>.

² URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki>.

Если при классическом юридическом позитивизме мы сравниваем фактическое поведение адресата правового предписания и закрепленный в норме права образец поведения, то в советском правоведении предлагалось при оценке эффективности соотносить не только поведение и содержание нормы права, но еще и найти цель, которую преследовал законодатель введением данной нормы, и сравнить с ней результат. При этом и советские ученые-правоведы отмечали, что поиск и уяснение такой цели – задача крайне сложная. Сомнений не было только по поводу конечной цели правового регулирования – «построения коммунизма», однако исследователи прямо писали, что использовать ее для оценки эффективности конкретных правовых норм вряд ли возможно [38, с. 83], но иные виды целей правового регулирования выделялись в большом и разнообразном количестве (ближайшие, отдаленные, непосредственные, частные и т. п.). Другая сложность, которую не отрицали и советские ученые-юристы, заключалась в том, что и процесс выявления целей правового регулирования является постоянным, при изучении проблем правовых целей будут обнаруживаться и иные цели. Очевидно, что с еще не обнаруженными наукой целями правового воздействия невозможно было соотносить действие правовых норм (результат) и делать какие-либо выводы об их эффективности или неэффективности.

Кроме того, при таком подходе из понятия эффективности исключался ее положительный, полезный эффект воздействия. Предлагалось рассматривать эффективность как понятие, включающее и нулевую эффективность, и отрицательную эффективность («когда действие нормы лишь отдаляет нас от достижения намеченной цели» либо когда цель «противоречит требованиям жизни») [38]. Другими словами, если бы было установлено, что цель правовой нормы сформулирована неправильно и в результате действия правовой нормы она была достигнута, то мы должны были сделать вывод, что такая норма эффективна, но «со знаком минус» [38] (отрицательная эффективность). В этом смысле эффективность права в большей степени совпадает с философским пониманием эффективности как достижения причиной какого-либо эффекта, который может быть очень низким, нулевым и вообще отрицательным.

Также следует заметить, что эффективность права при таком подходе основывалась на принципе «мы за цену не постоим», экономика действия правовой нормы выносилась за скобки эффективности и соотношение производилось не между затратами и результатом, а между целью и результатом.

При динамическом, деятельностном подходе к праву эффективность права связывают с эффективностью его действия и правоприменения. Так, К.В. Шундилов писал, что «процесс трансформации целей правового в конкретные результаты завершается на этапе реализации юридических предписаний, в ходе активной, целенаправленной деятельности субъектов правоотношений. Поэтому для повышения общей эффективности права требуется четкая организация процесса воплощения юридических моделей в жизнь, оптимизация правореализационного механизма» [59, с. 30]. С. Э. Либанова замечает, что «проблема эффективности права приобретает особое значение, определяя уровень продуктивности правовых норм ... в правореализующем процессе» [33, с. 71]. Отмечается также, что «эффективность права в целом определяется тем, насколько оно способно удерживать регулируемые общественные отношения в рамках своих норм» [3, с. 134; 36].

Безусловно, эффективность правовых норм мы можем оценить только в процессе их действия. Даже если, например, обязывающая правовая норма не имеет санкции и мы можем видеть этот ее юридико-технический недостаток на этапе ее принятия законодателем и формального вступления в силу и действие, то мы констатируем ее дефективность, но не эффективность (или неэффективность), так как оценка последней возможна в процессе реализации права. Именно поэтому «эффективность правоприменительной деятельности во многом является “индикатором” эффективности норм права, средством ее выражения» [24, с. 43], но не ее синонимом.

При либертарном типе правопонимания понимание права базируется на естественно-правовой концепции и представляет собой меру свободы личности [37, с. 28–30], а не «волю господствующего класса». Если в социалистическом позитивизме цель права, с которой сравнивался результат правового воздействия, должна была «отражать требования социально-

экономических и политических закономерностей социализма», то в либертарной теории права цель права заключается в обеспечении максимально возможной в обществе свободы личности. Очевидно, что такой парадигмальный сдвиг в правопонимании потребовал и соответствующего изменения концепции правовой эффективности.

В. В. Лапаева обращает внимание на то, что при оценке эффективности правового регулирования необходимо учитывать достижение им прежде всего правовых целей, а именно обеспечения и защиты прав и свобод человека [32, с. 38]. Сторонником этого подхода является и Н. В. Варламова, которая пишет: «Если целью правового регулирования признается обеспечение свободы в социальной жизни, то ресурсом, за счет которого она может быть достигнута, является ограничение свободы, а результат образует гарантируемая мера свободы... Эффективным правовое регулирование может быть признано, если оно обеспечивает максимальные гарантии прав и свобод при минимальном их ограничении» [5, с. 217]. По мнению этого автора, правовое регулирование эффективно, если обеспечиваются «максимальные гарантии максимальной меры свободы», а это достижимо, если ограничение свобод человека преследовало какую-либо легитимную цель, являлось необходимым в демократическом обществе и было соразмерно преследуемой цели [5, с. 220–221]. Нарушение этих условий-требований эффективности будет свидетельствовать не только о неэффективности правового регулирования, но и об утрате нормативным регулированием *правового* качества.

Этот подход не является исключительно отечественной правовой традицией. Так, Р. Д. Кутер полагает, что при оценке эффективности права юриспруденция дает информацию о нормативных ресурсах, а экономика показывает, как максимизировать их ценность; при этом главной юридической ценностью должна быть свобода, поэтому цель справедливого общества и права состоит в максимальном увеличении объема базовой свободы, которой все пользуются в равной степени [66].

В современных исследованиях предлагается и более широкий подход к пониманию эффективности права. Так, С. А. Жинкин считает, что изучение эффективности права и законода-

тельства должно базироваться на методологическом плюрализме и многообразии типов правопонимания. Он исходит из того, что право – понятие многомерное, многоаспектное и разные уровни, аспекты и грани права требуют разных подходов к оценке эффективности [13]. Высказано также мнение о том, что «в теоретико-методологическом плане “плюралистический” подход к проблеме эффективности права связан с широким философско-антропологическим подходом, согласно которому эффективность права представляет собой нахождение и осуществление правом осмысленного, безопасного, психологически комфортного как для отдельного человека, так и для общества в целом способа существования личности» [39, с. 9].

Действительно, правовое воздействие создает результат в различных сферах: политической, экономической, психологической, социальной, духовно-культурной и др. Безусловно, формы, показатели и методики измерения эффективности права в этих областях будут различны.

Так, в качестве показателей психологической эффективности права выделяют: «созидательность социальных процессов, гуманизм общества, снижение уровня неконструктивной конфликтности, соблюдение и реализация общечеловеческих принципов существования, предоставление возможностей для самореализации личности в данном обществе в соответствующем культурно-историческом контексте» [14, с. 31]. В связи с этим правовая норма может быть эффективной в каком-либо аспекте и неэффективной – в другом. Например, нормативно-правовое повышение пенсионного возраста в России с политико-экономических позиций считается эффективным, а в социально-психологической сфере вызвало крайнюю негативную реакцию и вряд ли могло быть признано эффективным, особенно в части таких показателей, как обеспечение гуманизма и снижение конфликтности в обществе. Или другой пример: «норма права, приносящая значительный экономический эффект для развития бизнеса (например, существенно снижающая налоги), может дать обществу в целом обратный эффект (например, дефицит бюджета и сокращение социальных программ)» [60, с. 180].

Сложность с плюрализмом правопонимания при изучении эффективности права заклю-

чается в выборе того аспекта правового регулирования, который следует считать в каждом конкретном случае приоритетным, чтобы ответить на конкретный вопрос: эффективна ли, например, правовая норма о повышении пенсионного возраста в нашей стране или нет? Другими словами, есть ли единый синтетический показатель эффективности правового регулирования?

С. А. Жинкин полагает, что «психологическое признание норм права является важнейшим фактором их эффективности. Никакое формальное качество норм, их обеспеченность материальными и организационными ресурсами не сделают нормы объективного права эффективными, если они не соответствуют основополагающим психическим установкам, правовым идеалам и ожиданиям людей» [12, с. 75]. Н. В. Варламова, напротив, считает, что «понимание права как меры свободы вообще снимает указанные проблемы. Мера свободы как раз и выступает таким синтетическим показателем, через который выражаются и цели, и результаты правового регулирования, и ресурсы, за счет которых они достигаются» [5, с. 218].

Методологический плюрализм в изучении эффективности права также связывают с выполнением правом различных функций и, как следствие, различных производимых при этом эффектов. Так, в специальной отраслевой литературе обосновывается, что административные санкции выполняют частнопредупредительные, общепредупредительные и воспитательные функции, при реализации которых получают три самостоятельных результата. При этом, например, эффективность частнопредупредительного воздействия определяется через показатели рецидива, совершения проступков в период и после отбывания наказания, а у других функциональных эффектов правового воздействия иные показатели эффективности и оценки [48, с. 270]. С. А. Жинкин предлагал выделять в соответствии с функциями права регулятивную, охранительную, воспитательную и ценностную эффективность права [16, с. 20].

Таким образом, плюралистический подход к изучению эффективности права показывает необходимость самостоятельного исследования различных политических, юридических, эконо-

мических, социальных, психологических, духовно-культурных слоев правовой эффективности. Поскольку понимание эффективности права как «соразмерности экономических затрат и правового результата», как «соотношения социальной цели и правового результата» и как «способности обеспечивать позитивную, гуманную, нравственную, интеллектуальную и физическую самореализацию индивидов и их объединений» [12, с. 75] – это понимание трех совершенно разных явлений.

В связи с этим был поставлен вопрос о различных аспектах (уровнях, видах, слоях) эффективности права. В юридической науке обращалось внимание на необходимость дифференциации юридической (специально-юридической) и социальной эффективности, которая в каком-то смысле «примирила» советский и западный позитивистский подходы к эффективности права. Соответствие желаемого результата и фактического результата действия правовой нормы, соблюдение и использование правил поведения, закрепленных в правовой норме, называлось юридической эффективностью, а соответствие фактического поведения адресатов правовой нормы социальной цели, преследуемой законодателем, – социальной эффективностью [62, с. 48–49].

В научной литературе приводится наглядный пример, иллюстрирующий соотношение этих двух подходов к оценке эффективности правового воздействия: «промышленное предприятие без соответствующего разрешения сбросило отходы производства в реку. В результате был причинен ущерб окружающей среде (ухудшилось качество воды), государству (пришлось проводить спасательные мероприятия), имуществу (на водопое отравился скот) и здоровью граждан, купавшихся в реке. Безусловно, существуют нормы права, запрещающие такое поведение, но каковы последствия их применения, какова их эффективность?

В результате применения правовых норм: предприятие оплатило ущерб, рассчиталось с государством, компенсировало стоимость погибшего скота и затраты на лечение граждан, кроме того, уволило сотрудника, который допустил сброс, и объявило выговор главному инженеру. Эффективно ли “сработало” право в данном случае? Какой результат хотели получить, принимая соответствующие нормы?

Желаемый результат в этом случае один – чистая вода (земля, лес, воздух и т. д.). Но именно этот результат и не гарантирован, поскольку компенсация вреда не дает оснований надеяться на то, что в ближайшее время река будет очищена. Кроме того, нет гарантий, что подобное не повторится впредь (несмотря на то, что предприятие достаточно экономически пострадало!), поскольку предприятию может быть экономически выгоднее оплачивать ущерб, чем строить безопасные очистные сооружения» [60, с. 181].

Таким образом, мы видим, что адресат соответствующих правовых норм полностью исполнил все предписания, т. е. норма юридически эффективна, но поскольку ее «внеюрисдикционная» цель не достигнута, то она социально неэффективна.

В современной юридической литературе предлагается помимо специально-юридической эффективности выделять также политическую, социальную, психологическую, воспитательную эффективность права [45].

Здесь возникает важный вопрос о понятии и содержании специально-юридической эффективности права.

Существует ли специально-юридическая эффективность права?

Если под юридической эффективностью права понимать соответствие фактического поведения адресатов правовых норм желаемому поведению, закрепленному в этих нормах, и степень соблюдения, исполнения и использования соответственно запрещающих, обязывающих и управомочивающих правовых норм, то чем тогда юридическая эффективность права отличается от непосредственных форм реализации права (соблюдение, исполнение и использование правовых предписаний)? А если, например, правовое предписание не соблюдается большинством адресатов, то мы должны констатировать низкую эффективность правовой нормы или низкую степень (уровень) ее реализации? Правовая норма неэффективна или в силу каких-то причин не реализуется?

Субъекты права могут активно использовать или исполнять дефектную правовую норму, которая позволяет им получить на «законном» основании какую-либо выгоду или льго-

ту, к примеру налоговую. И мы можем констатировать, что такая норма полностью реализуется, адресаты в едином порыве ее используют или исполняют, перед нами полное совпадение (соответствие) фактического поведения и нормативно закрепленной модели, но очевидно, что для оценки действия такой нормы нам недостаточно категории «степень реализации права», поскольку степень реализации права в таких случаях, как правило, наивысшая. Применять здесь такое понятие эффективности, как соотношение между фактическим результатом и потраченными ресурсами (затратами), тоже бессмысленно. Возможно, было затрачено минимальное количество ресурсов для достижения полученного результата.

Поэтому если вводить в понятийный аппарат теории права категорию эффективности, то ее следует искать за границами соответствия поведения субъектов общественных отношений (фактического результата) поведенческому образцу, закрепленному в правовой норме (желаемому результату). Но где вести такой поиск?

Чаше всего в юридической литературе эффективность права предлагается искать в соотношении фактического поведения с целью, поставленной законодателем: «Эффективность законодательства состоит в качестве его установлений и соответствии результата его реализации тем целям, которые преследовал законодатель (правотворческий орган вообще)» [22, с. 31].

Однако общеизвестно (и история нашего государства и права это, к сожалению, многократно подтверждала), что законодатель может ставить ошибочно или умышленно неправомерные, социально вредные, антигуманные и прямо преступные цели. Насколько эффективно право в этом случае, при условии соблюдения адресатами законодательных установлений?

По этому поводу С. И. Пунченко замечает, что «в современных условиях, когда задачи правового регулирования не сводятся к достижению заданных непонятным образом целей, а направлены на выражение и согласование социальных интересов, способствующих нормальному, гармоничному и свободному развитию общественных отношений, должны быть соответствующим образом изменены и положения концепции эффективности права» [46, с. 16]. Он также критикует целевой подход к

эффективности правовых норм и предлагает для оценки социальной эффективности права учитывать такие критерии, как: обеспечение посредством права адекватных и полезных форм коллективного поведения; создание правом условий для социальной самореализации и социальной адаптации индивидов; обеспечение правом условий для гармоничного сосуществования социальных, в том числе этнических, групп; гармонизацию государственно-правового регулирования и общественного саморегулирования; успешную реализацию посредством права основополагающих социальных ценностей; удовлетворение посредством норм права потребностей и интересов членов общества; достижение посредством права минимального уровня неконструктивной социальной конфликтности при сохранении конкурентной социальной среды [46, с. 41].

Есть и иные взгляды на социальную эффективность права. Так, С. В. Ибрагимова пишет, что «право является социально эффективным, когда оно: отражает существующее состояние общества и способствует прогрессивному его развитию; создает условия для реализации основополагающих устремлений человека к свободе, счастью, раскрытию его способностей, справедливости, постижению истины; достигает социально значимые цели; соответствует правовым ожиданиям граждан; способствует развитию правосознания и правовой культуры, становлению и развитию у граждан положительных правовых чувств, признанию ими верховенства права» [18, с. 231].

Авторы монографии «Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства» пишут, что «все жизненно важные задачи, которые ставит перед собой государство, не могут осуществляться независимо от развития иных сторон общественного бытия и общественного сознания. Уголовное право своими целями, содержанием и формами своего осуществления взаимосвязано со всей структурой общественных отношений. Поэтому эффективность уголовного законодательства достигается в случае, если оно специфическим способом воплощает прогрессивный характер, демократизм, гуманизм и исторически высшую справедливость общества» [29].

В. В. Лапаева полагает, что критерием социальной эффективности права является его

способность упорядочить социальные конфликты: «Мера удовлетворения правовых интересов участников регулируемых отношений характеризуется показателем конфликтности, который является одним из показателей эффективности законодательной нормы. Оптимальная степень конфликтности ситуации означает, что существующее правовое регулирование обеспечивает необходимую и достаточную меру свободы в реализации правомерных интересов субъектов социального общения. В противном случае мы имеем дело либо со слишком жесткой законодательной политикой, ущемляющей свободу людей в общественных отношениях, либо с недостаточной правовой урегулированностью, ведущей к хаосу и произволу со стороны участников данных отношений. И в том и в другом случаях законодательство, не выполняющее свою роль по упорядочиванию социальных конфликтов и закреплению нормативно-правовой модели их разрешения, является неэффективным» [32, с. 36–37].

В советском праве обосновывалось следующее соотношение юридической и социальной эффективности: «Социальная эффективность правового регулирования представляет собой возможность достижения с помощью права социально полезных результатов, объективным критерием которых является их соответствие потребностям прогрессивного развития общества. Юридическая эффективность характеризуется результативностью самого механизма правового регулирования, способностью права осуществлять цели, поставленные законодателем. Такая эффективность предполагает полезные результаты с точки зрения государственной политики господствующего класса. Эффективность социальная с юридической не всегда совпадает, как не всегда совпадают интересы господствующего класса и общества в целом» [25, с. 8].

Однако, чтобы развести социальные цели правового регулирования с целями, которые задал законодатель, нам необходимо их соотнести, определив, насколько цели законодателя корреспондируют указанным социальным целям, и ответив на вопрос: преследовал ли законодатель общественно-полезную цель? Например, С. И. Пунченко обоснованно задается вопросом, который так, к сожалению, и остался в его работе без ответа: «Перенос акцента на

оценку цели правовой нормы позволяет оценивать норму в первую очередь с точки зрения ее полезности, а не эффективности. В таком случае возникает вопрос: следует ли вообще исследовать и оценивать правовую норму с позиции ее эффективности, когда цель этой нормы (а следовательно, и сама норма) социально вредная?» [46, с. 40].

Если цель законодателя совпадает, например, с «созданием условий для социальной самореализации и социальной адаптации индивидов», то, видимо, нет никаких препятствий для соотнесения правовой нормы с такой целью правотворческого органа. Но надо обратить внимание, что здесь оценивается не фактическое поведение и поставленная цель, а поставленная общественно-полезная цель и норма права.

Выше уже упоминалось, что другие исследователи предлагают, к примеру, заменить достижение цели как критерия эффективности правовой нормы на такие показатели, как укрепление правовых начал жизни общества, признание прав и свобод высшей ценностью, обеспечение максимальных гарантий прав и свобод при минимальном их ограничении.

Как видим, за понятием эффективности права скрывается множество разнородных и разноаспектных явлений, **в частности** под ним предлагается понимать соответствие (соотношение) между:

- фактическим поведением субъектов права и требованиями правовых норм;
- фактическим поведением субъектов права и целью законодателя;
- фактическим поведением субъектов права и достижением полезного результата (в различных сферах);
- фактическим поведением субъектов права и затратами на его достижение;
- фактическим поведением субъектов права и объективными (отличными от целей законодателя или несовпадающими с ними) социальными, правовыми, политическими, экономическими, психологическими и другими целями;
- целью законодателя и правовой нормой;
- целью законодателя, фактическим поведением субъектов права и затратами;
- целью законодателя и затратами для ее достижения;

– объективными (отличными от целей законодателя или несовпадающими с ними) социальными, правовыми, политическими, экономическими, психологическими и другими целями и правовыми нормами.

Соотношение эффективности со смежными теоретическими категориями

Методологический плюрализм не должен быть синонимичным методологическому хаосу и беспорядку. И главная методологическая задача в исследовании эффективности права заключается не только в том, чтобы понять, что с чем соотносить, а прежде всего в том, чтобы определить условия заимствования терминов и понятий из других наук.

М. П. Власов описывает эту проблему применительно к экономической науке: «Согласно библейской легенде, бог, разгневанный дерзостью людей, которые пытались построить Вавилонскую башню и достичь небес, заставил их говорить на разных языках. После этого люди перестали понимать друг друга, и башня, конечно, осталась недостроенной. Современные ученые, вероятно, тоже чем-то прогневили бога. И в наказание за это даже специалисты в одной области очень часто говорят на “разных” языках, используя различные термины для обозначения одних и тех же понятий и категорий. А в одни и те же понятия и категории вкладывают разное содержание. Однако однозначное определение терминов крайне необходимо для понимания любой проблемы...» [7, с. 2].

В одной из последних крупных юридических научных работ по рассматриваемой проблематике члены авторского коллектива вкладывают разные смыслы в понятие эффективности права и закона [20].

Юристы охотно используют термины и понятия из других наук (особенно из экономики), не всегда глубоко разбираясь в их специально-отраслевом значении и не учитывая разнообразные подходы к той или иной категории и в других науках. К сожалению, проблематика эффективности права сильно пострадала от такого заимствования и, пока ученые-юристы не договорятся о единообразном понятийном аппарате эффективности, в изучении эффективности права мы не сможем продвинуться дальше. При этом понимание эффективности в эко-

номике и в праве в зарубежной доктрине различается [67, pp. 978–996; 74, pp. 471–482].

Эффективность – это, прежде всего, экономический, финансовый термин и он объясняет соотношение затрат и полученного результата; она может быть либо положительной, либо нулевой, именно поэтому не существует отрицательной эффективности. В правовых научных публикациях, в том числе зарубежных, используется категория «эффективная защита *такого-то* права», часто авторы приходят к выводу, что защита права по каким-то причинам оказывается ущербной, негарантированной, неэффективной [21, с. 12–16; 63, с. 85–97; 77, pp. 365–383]. Однако что такое неэффективная защита? Это защита отсутствующая: если пишут, что закон определенных субъектов неэффективно защищает, то, по сути, закон их не защищает. Так, Европейский Суд по правам человека отметил, что «он неоднократно устанавливал нарушения статей 3 и 13 Конвенции в связи с неадекватными условиями содержания в изоляторах Российской Федерации, ненадлежащими условиями перевозки между следственными изоляторами и зданиями суда и отсутствием эффективного внутригосударственного средства правовой защиты по подобным жалобам»¹. Именно поэтому нет отрицательной эффективности, есть ее отсутствие (если понимать эффективность как достижение желаемого, действенность).

Эффективность подсчитывается путем деления полученного результата на затраты (использованные ресурсы для получения данного результата). Само понятие эффективности не призвано объяснять достижение каких-либо целей или желаемых результатов. Допустим, инвестор получил доход – 150 000 руб. (результат); произвел затрат на инвестиционный проект – 100 000 руб. (затраты). После соотнесения затрат и результата констатируется положительная эффективность (50 000 руб.), но его цель могла быть иной – получение 30 000 руб. или 300 000 руб. дохода.

Когда используют термин «отрицательная эффективность», то нередко смешивают значения понятий «эффективность» и «эффект».

Эффект правового регулирования, действия права или правовой нормы – это фактический результат, он может быть как положительным (улучшилась ситуация), так и отрицательным (ухудшилась ситуация). Эффект измеряется путем сравнения исходного и настоящего состояния. Например, совершалось 200 правонарушений, ввели новую правовую норму, стало совершаться в два раза меньше правонарушений (100 – положительный эффект) или стало совершаться в два раза больше правонарушений (400 – отрицательный эффект). Если констатируется совершение по-прежнему 200 правонарушений (ситуация не изменилась), то эффекта нет вообще.

Иногда положительный эффект от чего-либо приравнивают к его эффективности. Так, в законе «Об обращении лекарственных средств» под эффективностью лекарственного препарата понимается «характеристика степени *положительного влияния* лекарственного препарата на течение, продолжительность заболевания или его предотвращение, реабилитацию, на сохранение, предотвращение или прерывание беременности»².

Но в вышеприведенных примерах с уменьшением количества правонарушений и с положительным влиянием на течение болезни мы ничего не можем сказать о соотношении такого результата и потраченных затратах (ресурсах), т. е. об эффективности.

Именно поэтому точнее говорить о положительном влиянии чего-либо как о положительном эффекте, а не об эффективности. В психологическом словаре, к примеру, указывается, что «эффективность лекарственного препарата можно определить, сравнив поведение пациента до и после приема» [44, с. 348], но если пациенту после приема лекарства стало хуже, то мы имеем дело с отрицательным эффектом (хуже, чем было изначально), а не с какой-то степенью эффективности.

При этом «хорошие, положительные последствия, благо, выгода» – это не что иное, как польза [40, с. 558].

¹ Дело «Уразов (Urazov) против Российской Федерации» (жалоба № 42147/05); постановление ЕСПЧ от 14.06.2016 г. // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 4(40).

² Об обращении лекарственных средств (ст. 4): Федер. закон Рос. Федерации от 12 апр. 2010 г. № 61-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 16, ст. 1815.

В философии «польза» – это «ценностное понятие, отражающее положительное значение предметов и явлений в их соотносительности с интересами субъекта (индивидуального или коллективного). Наряду с пользой целерациональное мышление использует и др. ценностные понятия, а именно: “успех” – достижение результатов, близких к запрограммированным в качестве цели, “эффективность” – достижение результатов с наименьшими затратами. Так что в более широком смысле нечто признается полезным, если: а) отвечает чьим-то интересам, б) обеспечивает достижение поставленных целей (способствует успешности действий), причем в) с наименьшими затратами (способствует эффективности действий)» [56, с. 663].

Таким образом, польза в узком смысле – и положительный эффект от действия или процесса фактически совпадают. При этом мы видим, что и в общенаучном смысле разграничиваются понятия пользы (положительного эффекта), поставленной цели (желаемого результата) и эффективности.

Оценка достижения поставленной цели связана с другой категорией – результативностью. В нормативном регулировании менеджмента качества есть определения результативности и эффективности: результативность (effectiveness) – степень реализации запланированной деятельности и достижения запланированных результатов, эффективность (efficiency) – связь между достигнутым результатом и использованными ресурсами¹.

Ю. А. Тихомиров по этому поводу заметил следующее: «Действенное регулирование – это регулирование, которое обеспечивает достижение поставленных политических задач. А эффективным регулирование является в том случае, если достижение этих задач обеспечивается при минимально возможных для всех членов общества издержках. Вид и объем регулирования, который экономика страны в состоянии принять, а органы государственного управления – эффективно воплотить в жизнь, имеют свои пределы. Регулирование не только обеспечивает какие-то выгоды, но и сопряжено с определенными издержками» [54, с. 5].

¹ ГОСТ ISO 9000-2011. Межгосударственный стандарт. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь: введен в действие приказом Росстандарта от 22 дек. 2011 г. № 1574-ст. (п. 3.2.14 и 3.2.15).

Деятельность считается результативной (действенной), если поставленная цель достигнута, причем могут быть различные степени результативности (в процентном отношении к максимально-желаемому результату). Однако, чтобы быть эффективным, необходимо затратить минимально возможные ресурсы. Допустим, желаемая цель – убить муху, сидящую на стене: если мы выстрелим по ней из пушки, то наше действие будет на 100 % результативным (цель полностью достигнута), но оно будет неэффективным (мы задействовали чрезмерные ресурсы для достижения поставленной цели). Или если два сотрудника по сбору показаний электрических счетчиков обошли каждый по 100 квартир, но один – за 2 рабочих дня, а второй – за 3 рабочих дня, то результативность у них обоих одинаковая, а эффективность (с точки зрения затраченного рабочего времени для получения результата) – очевидно, разная: «...результативность дает возможность четко установить главные и второстепенные цели..., а эффективность характеризует взаимосвязь между затраченными ресурсами и достигнутыми результатами» [28, с. 75–88].

Эффективность права в системе других характеристик правового воздействия

Все вышеуказанные общенаучные и междисциплинарные категории для предотвращения теоретического и методологического смешения должны быть разведены и в понятийном аппарате теории права.

Так, возможна постановка вопроса о существовании *эффектов* права, правового регулирования, правовых норм в различных сферах (политической, экономической, социологической, психологической и др.), причем такой эффект, правовое влияние может быть как положительным, так и отрицательным. При этом сравнивается состояние до и после правового регулирования.

Например, С. И. Пунченко пишет: «Отрицательная социальная эффективность может выражаться в росте социального насилия и социальной конфликтности, увеличении напряжения в отношениях между социальными, в т. ч. этническими группами. Отрицательная эффективность может проявляться и в сниже-

нии показателей экономического развития общества, уменьшении социальной мобильности и солидарности, уменьшении количества общественных объединений и социально значимых общих мероприятий. Представляется, что отрицательная социальная эффективность законодательства может вытекать из его социальной неадекватности, его несоответствия социальной структуре общества, его развитию, социальным потребностям. Отрицательная социальная эффективность, на мой взгляд, является результатом прежде всего устаревшего, нерационального либо несправедливого правового регулирования общественных отношений» [46, с. 63].

Здесь речь идет об отрицательном эффекте правового воздействия. Можно ли в такой плоскости поставить вопрос об отрицательной эффективности? Если эффективность понимать в максимально широком смысле как способность производить эффект (любое следствие из причины), то в таком случае если эффект отрицательный, то и эффективность будет отрицательной. Но проблема юридической доктрины, на наш взгляд, в том, что она пытается необоснованно совместить слово «эффективность» в таком общеупотребляемом смысле, как «любое последствие действия или процесса», и специально-экономический термин «соотношение результата и ресурсов».

Констатация негативного эффекта действия правовой нормы дает основание для ее изменения, отмены или признания утратившей силу. Так, согласно подходу Министерства экономического развития РФ, «регуляторная гильотина» – инструмент масштабного пересмотра и отмены нормативных правовых актов, *негативно влияющих* на общий бизнес-климат и регуляторную среду¹.

При констатации положительного эффекта от правового регулирования может быть использован термин *полезности* права, правового регулирования, правовой нормы (социально-полезное, экономико-полезное, политико-полезное и др.) как положительное влияние на общество в целом, на отдельных индивидуумов, на общественные отношения.

Для ответа на вопрос, достигнута ли правовым регулированием какая-либо цель, наиболее обоснованным будет использование категории *результативности* права, правового регулирования, правовой нормы. При изучении результативности права могут быть исследованы только вопросы целедостижения. Однако сложность с подсчетом результативности связана с тем, что, во-первых, нередко трудно понять цель принятия правовой нормы, во-вторых, даже если цель сформулирована, оценка результативности далеко не всегда оказывается простой задачей. Например, в пункте 1 статьи 1 закона «Об инвестиционном товариществе» указано, что «целью настоящего Федерального закона является создание правовых условий для привлечения инвестиций в экономику Российской Федерации и реализации инвестиционных проектов на основании договора инвестиционного товарищества»². Эти договоры подлежат обязательному нотариальному депонированию. За весь период действия указанного закона (за 9 лет) был заключен 61 договор инвестиционного товарищества (6 из них к настоящему времени уже расторгнуты) [17, с. 651–671]. Можно ли при таких показателях констатировать, что созданы правовые условия для привлечения инвестиций в экономику нашей страны, т. е. что цель закона достигнута (полностью или частично)? Какова результативность этого закона?

В уголовно-правовой литературе обсуждается вопрос о результативности новой редакции статьи 145.1 УК РФ, устанавливающей ответственность за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и др. Цель этой правовой нормы – защита конституционного права граждан на получение соответствующих выплат. Обосновывается, что, согласно новой редакции, уголовная ответственность наступает «за частичную невыплату свыше уже не двух, а трех месяцев», в субъективной стороне появился новый признак – «корыстная или иная личная заинтересованность» работодателя, преступление переведено из категории тяжких в категорию средней тяжести, «уголовная ответственность установлена только при фиксирован-

¹ URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie

² Об инвестиционном товариществе: Федер. закон от 28 нояб. 2011 г. № 335-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 49, ч. 1, ст. 7013.

ной неуплате, т. е. в размере менее половины суммы, подлежащей выплате. Можно сколь угодно долго выплачивать зарплату либо осуществлять социальные платежи в размере, например, 51 % от причитающейся суммы и не подлежать при этом уголовной ответственности. И экономически, и юридически работодателю выгоднее «хронически недоплачивать», выдавая ежемесячно, начиная до истечения второго месяца просрочки, сумму, равную одному МРОТ» [43]. Таким образом, мы видим, что степень результативности, а именно степень достижения цели – защиты права на соответствующие выплаты – после внесенных изменений снизилась, поскольку права работников, которые не получают зарплату менее трех месяцев, или получают в размере 51 %, или получают по одному МРОТ, оказались незащищенными.

Однако при этом ученые-криминологи отмечают, что и при старой редакции статьи 145.1 УК РФ «статистика фиксировала стабильный рост числа преступлений, квалифицируемых по ст. 145.1 УК. Так, если в 1999 г. (первый год применения ст. 145.1 УК) в России было зарегистрировано только 44 преступления, то уже к 2004 г. их число достигло 1724, а в 2009 г. превысило 2000 преступлений. Однако судебная перспектива этих дел была невелика. В среднем только около 30% от всех дел направлялись в суд, а обвинительные приговоры выносились лишь в 14 % случаев». Таким образом, результативность статьи 145.1 УК РФ была невысока (в плане защиты прав трудящихся) и до внесения в нее соответствующих изменений в 2010 г.

Очевидно, что чаще всего эффективность отождествляют именно с результативностью. Но здесь важно различать оттенки значения слов «эффективность» и «эффективный». Если эффективный – это позволяющий достигнуть желаемого результата, действенный, то эффективность – это показатель соотношения результата и ресурсов. Например, Г. А. Гаджиев описывает конституционно-правовые принципы – правовой определенности, стабильности гражданского оборота, справедливого судебного разбирательства, эффективной правовой защиты [8, с. 63–71]. С учетом этого эффективное право (приводящее к желаемому результату (цели)) совпадает с результативностью права. Однако в юридической литературе мы видим

постоянное смешение «эффективного» и «эффективности», поэтому, на наш взгляд, их необходимо терминологически развести.

Такое совпадение понятий есть и в зарубежных научных источниках. Так, автор статьи о неэффективности законов, защищающих права женщин Эфиопии, пишет: «Нарушения прав женщин продолжают сохраняться; виновные остаются безнаказанными или наказываются штрафами или несколькими годами тюремного заключения за грубые нарушения прав женщин. В частности, ситуация с бытовым насилием, включая насилие со стороны интимных партнеров, как справедливо отмечают некоторые ученые, выходит за рамки ожиданий XXI века» [68, р. 43].

Другой пример. Предлагается закрепить в уголовном праве принцип смешанной вины, поскольку он будет способствовать повышению эффективности закона, предоставляя жертвам стимул принимать меры предосторожности против преступности, т. е. достигать основной цели – снижения преступности и преступлений против личности [71, pp. 1181–1229].

Результативность права во многом определяется качеством нормативно-правового материала. Чем меньше содержательных и технико-юридических дефектов в нормах права, тем будет выше их способность достигать запланированного результата. Например, А. А. Вишневский указывает на такой нормативно-правовой дефект, как правовая неопределенность статьи 431.2 ГК РФ, устанавливающей правила о заверениях об обстоятельствах. В частности, автор пишет, что содержание статьи не позволяет понять, «за предоставление каких именно недостоверных заверений может возникнуть ответственность – любых, имеющих значение для договора, или только тех, на которые другая сторона полагалась?». В этом смысле текст статьи непоследователен, «поскольку требуется четкое определение, какие именно оказавшиеся недостоверными сведения можно рассматривать в качестве основания для требования о возмещении убытков» [6, с. 181]. Кроме того, в статье сформулирован чрезвычайно широкий круг обстоятельств, относительно которых могут быть сделаны любые заверения, что приводит к широким возможностям злоупотребления правом на иск о взыскании убытков «на основании якобы недостоверных заверений об об-

стоятельствах» [6, с. 182]. Вследствие этого цель данной нормы – «восстановление нарушенного гражданско-правового интереса в ситуации, когда возникает договор не о том, о чем стороны (или одна из сторон) договаривались» – оказывается недостигнутой.

На результативность права оказывают влияние и другие факторы, в частности деятельность правоприменительных и правоохранительных органов. Верно замечено, что «не обеспеченный правоохранительными возможностями уголовно-правовой запрет может пополнить ряды “мертвых уголовно-правовых норм”» [42, с. 13]. Большое влияние на достижение желаемых результатов правового воздействия оказывает и уровень правосознания, правовой культуры и правовой психологии адресатов правовых норм.

Важно отметить, что эффективность права и его действенность (результативность) различают и в зарубежных правовых порядках [69, pp. 5–66; 73, pp. 237–253; 76, pp. 371–393].

Вопрос о результативности правового регулирования – это всегда вопрос о причинах и факторах низкой результативности, низкого уровня достижения цели (дефекты правовых норм, проблемы правоприменения и др.), но при этом также важно понять, правильно ли поставлена цель правового воздействия.

Проблематику целеполагания (кто, зачем и как ставит цели и чему они должны соответствовать) следует исследовать в рамках такого феномена, как *целесообразность* правового регулирования. Ю. А. Тихомиров справедливо заметил, что «целеполагание – исходный пункт, своего рода старт правового регулирования... с которым связано и предвидение результатов правового воздействия на общественные отношения» [53, с. 4].

Однако, на наш взгляд, в большинстве случаев законодатель не дает себе труда указать ту реальную общественную цель, которую преследует предлагаемая к принятию или вводимая в действие норма права.

Например, в пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», которым, в частности, устанавливается новый состав преступления (ст. 264.2. «Внесение в единую автоматизиро-

ванную информационную систему технического осмотра транспортных средств заведомо недостоверных сведений»), указано, что цель этого закона – усиление ответственности всех участников процедуры технического осмотра транспортных средств¹. При такой формулировке цели очень трудно оценить результативность или эффективность правового воздействия. Ведь при введении нового состава правонарушения или ужесточении санкций за действующий состав правонарушения мы всегда можем отметить, что цель достигнута (ответственность усилена). Вероятно, цель такой нормы связана с обеспечением безопасности дорожного движения, снижением аварий и дорожных происшествий, связанных с некачественным техническим осмотром транспортных средств. Только в таком случае можно оценивать целесообразность принятия указанного закона.

В другом законопроекте, вводящем штраф для организаций, осуществляющих образовательную деятельность, за нарушение обязательств по трудоустройству выпускника, который обучался по целевому обучению, а заказчиком такого обучения выступала образовательная организация, цель регулирования законодатель сформулировал так: «устранение пробела правового регулирования отношений, возникающих при нарушении обязательств организации, осуществляющей образовательную деятельность и являющейся заказчиком целевого обучения, по трудоустройству гражданина, принятого на целевое обучение по образовательным программам высшего образования за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов»². Фактически после вступления данного закона в силу цель уже будет достигнута: правовой пробел (юридико-технический дефект) устранен. Вот только снизится ли количество нетрудоустроенных выпускников, обучающихся по целевому набору?

¹ Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (подготовлен Минэкономразвития России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 23.08.2017). URL: <http://regulation.gov.ru>.

² Проект Федерального закона «О внесении изменений в статью 71.1 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”» (подготовлен Минобрнауки России, ID проекта 02/04/08-19/00093757) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 05.08.2019). Там же.

На наш взгляд, в пояснительных записках к законопроектам и при проведении оценки регулирующего воздействия необходимо указывать не только конкретно-юридическую, но и социальную цель правовых норм.

При этом перед правовым регулированием или правовой нормой может быть поставлено несколько целей (желаемых результатов), например: и снижение социальной конфликтности, и повышение экономической производительности труда, и обеспечение максимальной меры свободы при минимальном ее ограничении.

Эффективность же права, правового регулирования и правовой нормы должна, прежде всего, показывать соотношение полученного правового результата и ресурсов на его получение, причем ресурсов не только финансово-материальных, но и организационных, управленческих, технических, технологических, технико-юридических и др. Например, предприниматели-рестораторы жалуются на излишние правовые ресурсы, направленные на защиту прав потребителей: «Вот список только журналов, которые должны быть на кухне, чтобы потребитель был в безопасности: журнал гнойничковых заболеваний, учета бактерицидных ламп, замены фритюрного масла, бракеражный – в нем нужно отмечать все проверенные блюда и ставить им оценки! Заполнять все журналы нужно ежедневно!» [52]¹. Допустим, что эти нормативные правовые требования результативны – права потребителей защищены, однако такой фактический результат мог бы быть получен и при использовании намного меньших ресурсов (в том числе заполненных журналов). Таким образом, мы можем констатировать, что эти правовые нормы хоть и результативны, но для достижения таких результатов затрачены излишние правовые средства.

Для примирения понимания эффективности права как соотношения между целью и результатом и как соотношения между результатом и затратами предлагается использовать понятие эффективности в статическом смысле (достижение целей, совпадает с результативностью) и в динамическом смысле (совпадает с затратностью) [57, с. 47]. Но в науке есть и иной подход.

Баланс между результативностью и эффективностью называют *оптимальностью* как достижение максимального результата при затратах минимальных ресурсов. В одних источниках оптимальность называют одним из условий эффективности правовых норм (наряду с экономичностью) [30, с. 31]. В других – эффективность права нередко отождествляют с его оптимальностью. На наш взгляд, это во многом связано с тем, что в русском языке слово «оптимальный» является одним из синонимов слова «эффективный» (он же – «оптимальный; позволяющий достигнуть желаемого результата с минимальными затратами, наименьшими нежелательными эффектами»²).

А. С. Пашков, Л. С. Явич писали об эффективности права как о закреплении в норме права оптимального варианта поведения [41, с. 41]. Подчеркнем, что Н. В. Варламова полагает, что «эффективным правовое регулирование может быть признано, если оно обеспечивает максимальные гарантии права и свобод при минимальном их ограничении» [5, с. 217]. Но проблема максимального результата при использовании минимальных ресурсов – это уже вопрос не столько эффективности, сколько оптимальности. Оптимальность связана со степенями эффективности и призвана снизить использование ресурсов так, чтобы это не повлияло на снижение результатов, поскольку бесконтрольное снижение затрат может привести к выхолащиванию самого результата. Оптимальное правовое регулирование – это наилучший баланс между затратами и достигнутым результатом.

Следует также заметить, что эффективность права предлагается понимать «как соотношение результативности и оптимальности, т. е. эффективным право будет в случае достижения оптимального результата, который равен цели, поставленной перед ним» [31, с. 155]. Однако оптимальный результат – это не идеальная цель (желаемый эффект), а наилучший результат относительно поставленных целей при данных условиях. И при достижении конечной цели для того, чтобы квалифицировать правовое регулирование как эффективное, необходимо оценить затраты: возможно, что издержки на получение достигнутого результата

¹ Советские законы, дожившие до 2020-го: налог на холостяков и инструкция по борьбе с мухами // Комсомольская правда. 2020. 19–26 февр.

² URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/эффективный>.

настолько велики, что ни о какой эффективности не может быть и речи.

Оптимальность правового регулирования также связана с конструктом «польза–риск» [70, pp. 407–420]. Допустим, если для нивелирования риска нарушения права потребителей на безопасность в кафе достаточно и необходимо выполнение предпринимателем двух обязательных действий, то именно такое правовое регулирование следует признать оптимальным. Такой же результат может быть получен при выполнении предпринимателем трех, четырех или пяти обязательных действий, но он не будет оптимальным, при этом мы видим три разные степени эффективности (от наибольшей (два обязательных требования) – до наименьшей (пять обязательных требований)). При этом результат правового регулирования достигается во всех случаях.

Теории права необходимо также самостоятельное, отличное от эффективности, понятие *реализованности* права, правового регулирования и правовых норм, которое поможет ответить на вопрос: почему правовое установление не реализуется (не соблюдается, не исполняется, не используется)? При этом могут быть выявлены различные степени реализованности правовой нормы: от полной нереализованности до полной реализованности. Поиск причин нереализованности или неполной реализованности права и предложение путей их устранения – задача исследования этой правовой категории. Так, эксперты отмечают, что правовое требование о строительстве школ с ориентацией на южную, юго-восточную и восточную стороны горизонта не реализуется из-за объективного отсутствия таких свободных мест, особенно в городах с плотной застройкой [52]¹. Однако это не вопрос о соотношении использованных ресурсов и полученных результатов (построенных или непостроенных школ).

Степени реализованности права также будут зависеть от вида правовой нормы. Так, при полном соблюдении запрещающих правовых норм такие нормы будут полностью реализованы, но эффективность таких норм может быть оценена только через ресурсы, которые потрачены на поддержание такого запрета.

Ю. И. Шуплецова приводит такой пример: «...можно запретить эксплуатацию нефтяных скважин на Красной площади, и, поскольку вряд ли кто станет этим там заниматься (прежде всего, ввиду отсутствия нефти!), установленная норма будет, как уже упоминалось выше, эффективна на 100 %» [60]. Очевидно, что автор пишет о реализованности нормы права (ее полном соблюдении), но насколько такая норма целесообразна – это второй вопрос, и насколько эффективна с позиций соотношения результата и затрат – это третий вопрос. Возможно, компетентные органы для обеспечения соблюдения такого запрета вынуждены регулярно проводить контроль, мониторинг, осмотры и тому подобные действия, требующие и финансовых, и организационных, и временных затрат.

При оценке реализуемости запрещающих правовых норм необходимо учитывать следующее правило: «нечастое применение тех или иных норм об ... ответственности ... не может достоверно подтверждать отсутствие предусмотренных ими составов правонарушений ... а скорее может быть обусловлено проблемами выявления противоправных действий (бездействия), образующих состав ... правонарушения, и в ходе производства по таким делам» [51].

При этом в юридической науке фактически не сформирован механизм оценки реализованности управомочивающих и обязывающих норм права. Например, согласно абзацу 2 пункта 2 статьи 435 ГК РФ, если извещение об отзыве оферты поступило ранее или одновременно с самой офертой, оферта считается не полученной. Перед нами обязывающая норма права: адресат оферты обязан считать такую оферту не полученной. За всю 25-летнюю историю действия первой части ГК РФ суды использовали эту норму лишь однажды, причем кассационная инстанция констатировала, что она не подлежала применению в деле². Аналогичная ситуация с нормой абзаца 2 пункта 1 статьи 233 ГК РФ, установившей обязанность лица, производившего раскопки или поиск ценностей без согласия на это собственника земельного участка или иного имущества и

¹ Советские законы, дожившие до 2020-го: налог на холостяков и инструкция по борьбе с мухами.

² Постановления ФАС Дальневосточного округа от 20.06.2006, 13.06.2006 № Ф03-А51/06-1/2069 по делу № А51-8226/2005-23-151.

обнаружившего клад, передать его собственнику земельного участка или иного имущества, где был обнаружен клад. Упоминание этой правовой нормы в правоприменительной практике отсутствует.

Таким образом, ни один случай использования этих норм права нам не известен. Можно сделать вывод, что эти нормы права практически не используются, уровень их реализованности низкий, близкий к нулевому. Но как оценить такую нереализованность, являются ли эти правовые нормы ненужными?

Синергетический подход к эффективности права

Может ли теория права сформировать собственный, отличный от разработанного в экономической науке, единообразный подход к эффективности? Возможно, но пока эта задача далека от разрешения.

Сведение правовой эффективности исключительно к «экономизму» активно критикуется и в зарубежной доктрине [69, pp. 5–66]. При этом анализ эффективности права зачастую проводится в рамках изучения влияния экономики на право и доктрины экономического анализа права [64, pp. 171–187; 65, pp. 221–249; 72, pp. 1461–1501; 75, pp. 393–417].

Пока в правоведческих исследованиях мы видим частое смешение общеупотребляемого значения слова «эффективность – как «действенный, дающий эффект» [40, с. 914] и специально-экономического значения эффективности как соотношения полученного результата и произведенных затрат.

В последних научных исследованиях эффективность права стали рассматривать как *способность правом достичь чего-то* (максимальной свободы личности, социальной неконфликтности, укрепление правовых начал и др.).

При этом выделяются многочисленные виды эффективности права. В частности, С. А. Жинкин пишет о: духовно-культурной эффективности – «имеется в виду реализация роли и назначения права в конкретном духовно-историческом и культурно-историческом контексте»; аксиологической эффективности как отражении и защите правом основополагающих ценностей; эффективности позитивного права как соотношении поставленных государством целей и степени их достижения;

социальной эффективности как средства удовлетворения социальных интересов; политической эффективности как инструменте проведения государственной политики; о поведенческой эффективности как регуляторе активности человека, его поведения; психологической эффективности как значимости и признанности права во внутреннем мире личности, личностной преданности праву и его принципам, солидарности с правом. Также автор выделяет в соответствии с функциями права регулятивную (успешное и динамичное регулирование правом общественной жизни), охранительную (действенное предотвращение социально вредного поведения), воспитательную (действие права по формированию личности) и ценностную эффективность права [15, с. 102–104].

Другими словами, право, например, социально-эффективно, если удовлетворяет социальные интересы, и психолого-эффективно, если внутренний мир личности признает право, и политико-эффективно, если право проводит государственную политику, и регулятивно-эффективно, если регулирует общественные отношения, и охранительно-эффективно, если предотвращает социально-вредное поведение и т. д.

Однако при таком подходе эффективность права поглощает практически все остальные правовые категории: сущность и природу права, содержание права, функции права, действие права, механизм правового регулирования, правосознание, правовую психологию и др.

Например, С. А. Жинкин полагает, что «психологическая эффективность права подразумевает признание права массовым сознанием, психологическую готовность людей обратиться именно к праву для решения своих жизненных проблем. Оно определяется и тем, какие эмоции испытывают граждане, обращаясь именно к праву и его системе средств, в какой мере они испытывают психологическое удовлетворение от такого обращения и его результатов» [15, с. 103–104]. Однако в теории права под эмоциональными переживаниями, настроением и другими психическими процессами, отражающими субъективное отношение личности к праву, понимают правовую психологию, а не психологическую эффективность права.

Автор считает, что «охранительная эффективность права – это действенное предотвращение правом социально вредного поведения, эффективное назначение и исполнение наказаний, достижение целей карательной политики» [15, с. 104]. Но если мы обратимся к понятию охранительной функции права, то увидим, что под ней понимается нацеленность права на охрану положительных и вытеснение вредных для общества отношений, включающую пресечение и предотвращение противоправного поведения [58, с. 220]. Таким образом, охранительная эффективность права и охранительная функция права содержательно совпадают.

Если говорить об эффективности права как о его способности достичь максимальную меру свободы человека или обеспечить признание прав и свобод высшей ценностью, либо добиться соблюдения норм позитивного права или реализации заложенных в нормы права целей, то что тогда следует понимать под сущностью и содержанием права как самостоятельными категориями?

В целом синергетический подход к эффективности права может быть приемлем, только если он не предполагает растворение в эффективности права всех остальных наукообразующих понятий теории права.

В научной доктрине имеются и попытки охватить понятием эффективности комплекс иных понятий (оптимальность, целесообразность, результативность). Так, А. С. Пашков и Л. С. Явич писали, что «норма права социально эффективна, если она соответствует объективным потребностям прогрессивного развития общества, при этом она должна предусматривать оптимальный вариант поведения, который требуется для достижения научно обоснованной цели и реально обеспечивает наступление фактического результата, который соответствуют этой цели» [41, с. 40]. Но насколько имеется необходимость в таком собирательном понятии эффективности? Если норма нецелесообразна (не соответствует объективным потребностям), ее оптимальность и результативности не имеет смысла исследовать и оценивать. В этом случае мы должны констатировать, что правовая норма нецелесообразна; конечно, можно также отметить, что она и неэффективна, но зачем? Если пра-

вовая норма и целесообразна и оптимальна, но не наступает фактический результат, то она нерезультативна и тем самым также неэффективна.

Кроме того, категориальный аппарат науки теории права постоянно совершенствуется за счет появления новых терминов и категорий, которые связаны с эффективностью права.

В частности, с 2012 г. в России действуют Правила оценка регулирующего воздействия проектов нормативно-правовых актов¹. Как связана категория «эффективность права» с категорией «регулирующее воздействие нормы права (нормативно-правовых актов)»? В Правилах проведения оценки регулирующего воздействия вообще не упоминается понятие возможной эффективности правового регулирования и не проводится его оценка. При этом указано, что в Сводном отчете о проекте акта, имеющего высокую степень регулирующего воздействия, должно в том числе содержаться «описание проблемы, на решение которой направлен предлагаемый способ регулирования, оценка негативных эффектов, возникающих в связи с наличием рассматриваемой проблемы» (подп. б) п. 15 Правил), а также «описание методов контроля эффективности избранного способа достижения цели регулирования» (подп. н) п. 15 Правил). Однако здесь речь идет не о негативном эффекте правового воздействия, а о негативном эффекте имеющейся проблемы. В снятии таких эффектов видится целесообразность правового воздействия. Эффективность способа достижения цели оценивается только при выявлении рисков решения проблемы предложенным способом регулирования и рисков негативных последствий (подп. м) п. 15 Правил). Очевидно, что законодатель под эффективностью способа достижения цели понимает не эффективность права как достижения этой цели или как затраты на ее достижение.

На наш взгляд, оценка регулирующего воздействия предназначена для предотвращения отрицательных эффектов правового воз-

¹ Правила проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии: постановление Правительства Рос. Федерации от 17 дек. 2012 г. № 1318 (ред. от 02.03.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 52, ст. 7491.

действия: «она должна играть ключевую роль в том, чтобы не допустить появления в нашем законодательстве норм, негативно влияющих на интересы конкретных граждан, субъектов бизнеса» [49, с. 17]. И для такой оценки необходимо прежде всего целеполагание правового воздействия: «В законах недостаточно раскрывается целеполагание. Зачастую простая оценка регулирующего воздействия оказывается невозможной. Если какой-либо позитивный результат достигается, то не понятно: произошло это благодаря закону или вопреки ему. Такая ситуация обуславливает целесообразность введения жестких установок целеполагания и эффективности в методические основы законодательного процесса» [61, с. 16]. Заметим, что здесь процессы целеполагания и эффективности права различаются.

Возможно, законодатель не видит смысла проводить оценку потенциальной эффективности правового акта, поскольку эффективность правового регулирования согласно отечественной правовой традиции можно определить только после начала действия акта.

В связи с этим встает вопрос о соотношении оценки эффективности правового регулирования и оценки фактического правового воздействия.

«При применении оценки фактического воздействия действующего нормативного акта происходит сбор предложений с обоснованием избыточности регулирования либо информации об издержках выполнения требований регулирования со стороны экспертов и предпринимателей. При этом важно отметить, что оценке подлежат не правовая форма регулирования общественных отношений, а сами экономические механизмы и прогноз социально-экономических последствий применения правовых норм» [11, с. 19]. В таком понимании оценка фактического воздействия правового акта близка к оценке его эффективности как соотношения результатов и затрат.

Новый для теории права термин «нормативно-правовое дерегулирование» также нуждается в оценке его соотносимости с эффективностью права и правового регулирования. Под нормативным дерегулированием следует понимать уменьшение обязательных требований, расширение возможностей договорного регулирования за счет сокращения «законного» регулирования, замены императивных

норм диспозитивными. Является ли такое дерегулирование условием повышения эффективности права? Если под эффективностью права понимать соотношение результатов и затрат, то ответ на этот вопрос должен быть положительным. Вот как объясняются причины дерегулирования: «исполнение обязательных требований перестало достигать своей основной цели – способствовать улучшению качества товаров, работ и услуг, повышению качества жизни и защите граждан. Напротив, исполнение требований приводило к неоправданному увеличению издержек и, как следствие, к удорожанию товаров, работ и услуг. В итоге государства, столкнувшиеся с данной проблемой, были вынуждены заняться исключением устаревших, дублирующих друг друга и явно обременительных нормативных положений» [50, с. 37]. Очевидно, что если затраты бизнеса на обеспечение качества товаров, работ, услуг (фактический результат) уменьшатся, то следовательно эффективность правового регулирования повысится (максимально-желаемый результат при минимальных затратах). Как верно заметил Е. П. Губин, «дерегулирование представляет собой деятельность, направленную на совершенствование отношений, с использованием потенциала рыночной экономики, отмена тех или иных методов, инструментов регулирования рынка должна сопровождаться необходимыми расчетами возникающих последствий» [9, с. 37].

Разновидностью нормативного дерегулирования является «регуляторная гильотина», которая также относится к новым понятиям в теории права.

Целями и направлениями программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности» являются систематизация, сокращение количества и актуализация обязательных требований, борьба с дублированием правовых требований друг друга и их избыточностью, исключение неэффективных обязательных требований, внедрение правила принятия новых обязательных требований только после отмены двух устаревших (1 in 2 out)¹. Цели «регуляторной гильотины» связаны с признанием утратившими

¹ Паспорт приоритетной программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности» (прил. к протоколу президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 21 дек. 2016 г. № 12) (ред. от 30.05.2017). URL: <http://контроль-надзор.рф>.

силу (или с отменой) устаревших, избыточных, **неактуальных**, противоречащих друг другу, коррупционным правовым нормам, многие из которых зачастую вызывают недоумение у их адресатов.

«Регуляторную гильотину» часто употребляют в одном понятийном ряду с эффективностью права и правового воздействия [35, с. 20–36], в том числе называя разновидностью оценки регулирующего воздействия [26, с. 16–19].

В активный юридический категориальный оборот это понятие ввел, будучи председателем Правительства РФ, Д. А. Медведев в начале 2019 г. на Гайдаровском экономическом форуме, объяснив, что «все те ранее действовавшие положения актов, которые содержат обязательные требования и которые не будут специальным образом одобрены или изменены, автоматически утрачивают силу», а этот механизм должен привести к экономическому рывку¹. Данный механизм должен сопровождаться и надлежащей системой государственного контроля и надзора, чтобы уменьшение количества нормативных правовых актов не привело к потере защищаемого законом уровня безопасности потребителей.

Механизм «регуляторной гильотины» охватывает множество показателей, и ее основная идея «заключается в возможности быстрого пересмотра и отмены по итогам фильтрации значительного количества нормативных актов с целью выявления правил, противоречащих законодательству (или друг другу), а также экономически неэффективных, неработающих, нецелесообразных правил, в результате реализации которых не достигаются положительные результаты или реализация которых влечет существенные, необоснованные расходы, связанные с предотвращением значительных рисков» [1].

«Регуляторная гильотина» и эффективность права, как соотношение результатов и затрат, связаны следующим и достаточно понятным образом: «снижение затрат государственного бюджета и расходов бизнеса на выполнение избыточных нормативных предписаний автоматически приводит к улучшению экономических показателей привлечения

инвестиций и увеличения прибыли у компаний» [11, с. 18].

На наш взгляд, в таком понимании «регуляторная гильотина» в большей степени тяготеет к понятию оптимизации правового регулирования и к некоторым другим характеристикам правового воздействия.

Именно в *оптимизации* правового регулирования видится задача проводимой «регуляторной гильотины» – сохранить (или повысить) результативность правового регулирования при одновременном повышении его эффективности (снижение затрат на получение такого же результата): «цель реализации механизма “регуляторной гильотины”: формирование современной, адекватной требованиям времени и технологического развития, эффективной системы регулирования в соответствующей сфере общественных отношений, основанной на выявлении наиболее значимых общественных рисков и их снижении до приемлемого уровня, в том числе путем выбора адекватных способов воздействия на риски и установления таких обязательных требований, которые в наибольшей степени влияют на предотвращение негативных последствий реализации этих рисков»².

Общий механизм «регуляторной гильотины» таков: «каждая норма или административная процедура проходит через простые фильтры, объединенного в форме контрольного листа с вопросами: “Законна ли она? Необходима ли она для общества? Благоприятна ли она для бизнеса? Необходимы ли и обоснованы ли платежи и нормы при реализации нормы?”» [10, с. 12] Как видим, «регуляторная гильотина» призвана ответить на вопросы о целесообразности, положительном эффекте, пользе, затратности правовых норм.

Таким образом, «регуляторная гильотина» связана в большей степени не с понятием эффективности права как соотношением затрат и результатов, а с поиском оптимальности правового регулирования, обеспечением баланса «польза-риск», целеполаганием, целесообразностью нормативно-правовых актов.

¹ URL: <https://www.rbc.ru/economics/09/03/2020/5e661eb19a794773fdccdb56>.

² Методика исполнения плана мероприятий («Дорожной карты») по реализации механизма «регуляторной гильотины». URL: <http://knd.ac.gov.ru> (дата обращения: 16.07.2019).

Заключение

Проблема в поиске единообразного определения эффективности права связана прежде всего с многообразием представлений о праве, с разными типами правопонимания.

В частности, эффективность права в кельзиновском позитивизме – это соответствие поведения субъектов права той модели поведения, которое заложено в правовой норме; в советском позитивизме – это соответствие фактического поведения субъектов права и социальной целью, поставленной перед нормой права; в крайнем легизме – это обоснованность, целесообразность права и его способность отражать реальные общественные отношения; в деятельностном подходе к праву – это эффективность правоприменения; в либертарной теории права – это обеспечение максимально возможной в обществе свободы личности при минимальном ее ограничении; при правовом плюрализме эффективность права – это многомерное и многоуровневое понятие, требующее выделения политической, экономической, социальной, духовной, воспитательной, психологической и прочей эффективности.

В свете широкого плюралистического понимания правовой эффективности встает вопрос о существовании специально-юридической эффективности, под которой понимают соответствие поведения адресатов правовых норм требованиям последних (совпадение желаемого и фактического поведения). При таком подходе к юридической эффективности права она растворяется в формах реализации права (соблюдение, исполнение и использование) и не имеет собственного содержания.

Единственное слово, которое роднит все научные понятия эффективности права (которых десятки), – это «соответствие», а вот в дальнейшем понимании *соответствия «между чем и чем»* исследователи расходятся, временами диаметрально: социальными (общественно) значимыми целями правовой нормы, целями законодателя, фактическим поведением адресатов нормы, желаемым поведением адресатов нормы, результатами правового воздействия, затратами на правовое регулирование и др. При такой доктринальной разноголосице и несогласованности эффективность права следует отнести к числу наименее понятных правовых явлений в теории права.

Эффективность права в юридических исследованиях – это также не вполне упорядоченное использование понятия эффективности от широкого (как следствие из любой причины, как эффект деятельности) до узко-экономического (соотношения результатов и затрат), переходящее в «перемешивание» философского и специально-отраслевого понимания эффективности.

Если оставаться в экономической категориальной матрице понимания эффективности как соотношения фактических результатов правового воздействия и затрат (ресурсов), потраченных на этот результат (причем затрат финансовых, организационных, управленческих, юридико-технических и проч.), то необходимо строго отграничивать эффективность от смежных и близких категорий – «эффект», «польза», «результативность», «оптимальность», «целесообразность», которые в экономической науке определенно разнятся. При этом нужно различать эффективность права и его реализованность (соблюдение, исполнение и использование).

На наш взгляд, применение к категории эффективности права синергетического подхода на сегодняшний день также нельзя признать успешными и удачными, поскольку фактически он приводит к поглощению эффективностью права почти всех других базовых категорий теории права (сущность, содержание, цели, задачи, функции права, правовая культура, правовая психология, правосознание и др.).

Доктринальные попытки охватить (полностью или частично) понятием эффективности права такие категории, как результативность, целесообразность, полезность, оптимальность, эффект права, пока не имеют достаточных доказательств обоснованности такого поглощения.

Эффективность права должна найти свое место и в понятийных рядах таких относительно новых юридических категорий, как: регулирующее правовое воздействие, фактическое правовое воздействие, дерегулирование, «регуляторная гильотина». Их соотношение, конечно, будет зависеть от подхода к пониманию эффективности права. В настоящее время их соотношение предварительно возможно установить только при трактовке эффективности права как соотношения результатов и затрат либо при отождествлении эффективности и результативности права (достижение цели правового воздействия).

Библиографический список

1. Александров О. В. «Регуляторные гильотины»: международный опыт устранения препятствий для бизнеса и инвестирования // Торговая политика. 2019. № 1 (17). С. 107–119.
2. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Сов. энцикл., 1968. 600 с.
3. Байльдинов Е. Т. К вопросу об эффективности современного международного права // Современное право. 2011. № 1. С. 134–142.
4. Блэк Дж. Экономика. Толковый словарь: англо-русский. М.: ИНФРА-М; Весь мир, 2000. 829 с.
5. Варламова Н. В. Эффективность правового регулирования: переосмысление концепции // Правоведение. 2009. № 1. С. 212–232.
6. Вишневский А. А. Заверения об обстоятельствах: к вопросу об эффективности правовой конструкции // Закон. 2017. № 11. С. 176–183.
7. Власов М. П. Экономико-математические методы в коммерческой деятельности. СПб., 2012.
8. Гаджиев Г. А. Нормоконтроль в сочетании с деликтными исками – эффективный способ защиты прав предпринимателей. Комментарий к постановлению КС РФ от 06.07.2018 № 29-П // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 12. С. 63–71.
9. Губин Е. П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы. М.: Юрист, 2006. 312 с.
10. Дидикин А. Б. «Регуляторная гильотина» в механизме взаимодействия российского государства и общества // Академик. 2019. № 2. С. 10–15.
11. Дидикин А. Б. Мониторинг фактического воздействия в системе правовых средств улучшения регуляторной среды // Мониторинг правоприменения. 2019. № 3 (32). С. 16–20.
12. Жинкин С. А. О влиянии психологических факторов на эффективность норм права // Юрист-Правовед. 2007. № 6 (25). С. 74–76.
13. Жинкин С. А. О методологических принципах исследования эффективности норм законодательства // Российский следователь. 2008. № 19. С. 33–34.
14. Жинкин С. А. О новых методологических подходах к исследованию проблем эффективности права // Российский следователь. 2009. № 10. С. 30–31.
15. Жинкин С. А. Психологические проблемы эффективности права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2009. 373 с.
16. Жинкин С. А. Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2009. 41 с.
17. Захаркина А. В., Кузнецова О. А. Развитие инструментов прямого финансирования субъектов малого и среднего предпринимательства: правовой аспект // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 651–671. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-651-671.
18. Ибрагимова С. В. Социальная эффективность права // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 227–232.
19. Иконицкая И. А. Проблемы эффективности в земельном праве. М.: Наука, 1979. 183 с.
20. Как обеспечить эффективность закона / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Н. Н. Толмачева, С. А. Боголюбов. М.: Сенатор-Пресс, 2019. 208 с.
21. Камчатов К. В., Зяблина М. В., Аристархов А. Л. Повышение эффективности защиты прав участников договора участия в долевом строительстве // Законность. 2017. № 8. С. 12–16.
22. Керимов Д. А. Проблемы общей теории права. М.: Современный гуманитарный университет, 2000. 82 с.
23. Кови С. Р. Семь навыков высокоэффективных людей: Мощные инструменты развития личности. М.: Альпина Паблишер, 2012. 530 с.
24. Кожевников В. В. Эффективность норм права и эффективности их применения: проблема соотношения // Право и государство: теория и практика. 2017. № 3 (147). С. 39–44.
25. Козлов В. А. Вопросы теории эффективности правовой нормы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1976. 26 с.
26. Козлова Н. В. Развитие института оценки регулирующего воздействия: введение механизма «регуляторной гильотины» // Академик. 2019. № 2. С. 16–19.
27. Коммерческая электроэнергетика: слов.-справ. М.: НЦ ЭНАС, 2006. 112 с.
28. Костин А. А., Посметухина Е. А. Соотношение понятий «эффективность» и «результативность» на примере таможенной деятельности // Российское предпринимательство. 2014. Т. 15, № 3. С. 75–88.
29. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законо-

дательства / отв. ред. В. П. Кашепов. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. 280 с.

30. Курочкин С. А. Об эффективности норм гражданского процессуального права // Журнал российского права. 2012. № 4 (184). С. 24–32.

31. Лайченкова Н. Н. Отдельные аспекты соотношения понятий «экономическая эффективность» и «эффективность финансового права» // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 2 (52). С. 155–162.

32. Лапаева В. В. Эффективность закона и методы ее изучения // Эффективность закона (методология и конкретные исследования) / отв. ред. В. М. Сырых, Ю. А. Тихомиров. М.: БЕК, 1997. С. 28–44.

33. Либанова С. Э. Зависимость эффективности норм гражданского права от единообразия правоприменения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 10. С. 70–75.

34. Лопатников Л. И. Экономико-математический словарь: слов. соврем. эконом. науки. М.: Дело, 2003. 519 с.

35. Любимов Ю., Новак Д., Цыганков Д., Нестеренко А., Варварин А., Ибрагимов Р., Жаркова О., Москвитин О., Маслова Н., Верле Е. «Регуляторная гильотина» // Закон. 2019. № 2. С. 20–36.

36. Марочкин С. Ю. Проблема эффективности норм международного права. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1988. 147 с.

37. Нерсисянц В. С. Философия права. М.: Норма, 2006. 848 с.

38. Никитинский В. И. Эффективность норм трудового права. М.: Юрид. лит., 1971. 248 с.

39. Нугаева Н. Р. Проблема эффективности права в истории отечественного правоведения // История государства и права. 2015. № 21. С. 8–13.

40. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

41. Пашков А. С., Явич Л. С. Эффективность действия правовой нормы (к методологии и методике социологического исследования) // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 40–48.

42. Пикуров Н. И. Проблемы прогнозирования результатов действия нового уголовного закона // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 9–18.

43. Прохоров Л. А., Прохорова М. Л. Эффективность уголовно-правовых гарантий реа-

лизации права на оплату труда и получение установленных законом выплат (ст. 145.1 УК РФ) // Российский следователь. 2016. № 19. С. 32–35.

44. Психология А–Я. Словарь-справочник. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. 448 с.

45. Пунченко С. И. О юридической, социальной и иных видах эффективности норм права // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2010. № 5. С. 64–66.

46. Пунченко С. И. Социальная эффективность права в современной России (теоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 169 с.

47. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М.: Инфра-М, 1997. 496 с.

48. Рогачева О. С. Научно-теоретическая интерпретация категории «эффективность» в административно-деликтном праве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 2(7). С. 260–275.

49. Румак В. Важно не ставить во главу угла правовые традиции, а решать экономическую задачу: Интервью с Е. П. Губиным // Закон. 2019. № 3. С. 8–18.

50. Саламатина И. В., Смольников Д. И. Нормативное дерегулирование в России // Закон. 2018. № 3. С. 37–44.

51. Селезнев В. А. О спорадичности применения отдельных норм Особенной части КоАП РФ об административной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 137–150. DOI: 10.12737/jrl.2019.6.13.

52. Советские законы, дожившие до 2020-го: налог на холостяков и инструкция по борьбе с мухами // Комсомольская правда. 2020. 19–26 февр.

53. Тихомиров Ю. А. Эффективность закона и мониторинг. М.: Изд-во РАГС, 2010. 52 с.

54. Тихомиров Ю. А. Эффективность закона: от цели к результату // Журнал российского права. 2009. № 4. С. 3–9.

55. Федосова В. А. Эффективность действия норм советского государственного права. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 157 с.

56. Философия: энцикл. слов. / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.

57. Хорошильцев А. И. Эффективность права: понятие и особенности // Общество и право. 2011. № 2 (34). С. 47–51.

58. Хропанюк В. Н. Теория государства и права. М.: Дабахов, Ткачев, Димов, 1995. 384 с.

59. Шундигов К. В. Цели, средства и результаты в правореализационном процессе // Правоведение. 2001. № 4. С. 30–39.

60. Шуплецова Ю. И. Правовое регулирование лесных отношений в Российской Федерации: монография. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. 216 с.

61. Эффективность законодательства: вопросы теории и практика / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. П. Емельянцева; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации. М.: ИНФРА-М, 2015. 336 с.

62. Эффективность правовых норм / В. Н. Кудрявцев, В. И. Никитский, И. С. Самощенко, В. В. Глазырин. М.: Юрид. лит., 1980. 280 с.

63. Юрлов С. А. Определенность нормативного регулирования спорта как предпосылка установления четких пределов автономии спортивных организаций и эффективной защиты прав спортсменов // Lex russica. 2018. № 10. С. 85–97.

64. Camacho-Minano M., Pascual-Ezama D., Urquia-Grand E. On the Efficiency of Bankruptcy Law: Empirical Evidence in Spain // International Insolvency Review. 2013. Vol. 22, Issue 3. Pp. 171–187.

65. Coleman J. L. Efficiency, Exchange, and Auction: Philosophic aspects of the Economic Approach to Law // California Law Review. 1980. Vol. 68, Issue 2. Pp. 221–249.

66. Cooter R. D. Liberty, Efficiency, and Law // Law and Contemporary Problems. 1987. Vol. 50, Issue 4. Pp. 141–163.

67. Efficiency and a Rule of Free Contract – a Critique of 2 Models of Law and Economics // Harvard Law Review. 1984. Vol. 97, Issue 4. Pp. 978–996.

68. Etsegenet K. M. Major Women's Right Issues in Ethiopia: examining Efficiency of the Law and Its Enforcement // International Journal of Human Rights and Constitutional Studies. 2017. Vol. 5, Issue 1. Pp. 43–59.

69. Fokou E., Belanger A. Effectiveness and Efficiency: Epistemological Obstacles to Economism in Civil Law of Contracts // Revue General De Droit. 2019. Vol. 49, Issue 1. Pp. 5–66.

70. Garelli P. The Breach of Contract in French Law: Between Safety of Expectations and Efficiency // International Review of Law and Economics. 2002. Vol. 22, Issue 4. Pp. 407–420.

71. Harel A. Efficiency and Fairness in Criminal-Law – the Case for a Criminal-Law Principle

of Comparative Fault // California Law Review. 1994. Vol. 82, Issue 5. Pp. 1181–1229.

72. Liscow Z. Counter-Cyclical Bankruptcy Law: an Efficiency Argument for Employment-Preserving Bankruptcy Rules // Columbia Law Review. 2016. Vol. 116, Issue 6. Pp. 1461–1501;

73. Luttikhuis K. The Effectiveness and Efficiency of Corporate Insolvency Law-Part Two // International Insolvency Review. 2009. Vol. 18, Issue 3. Pp. 237–253.

74. Margolis S. 2 Definitions of Efficiency in Law and Economics // Journal of Legal Studies. 1987. Vol. 16, Issue 2. Pp. 471–482.

75. Niblett A. On the Efficiency of the Common Law: An Application to the Recovery of Rewards // European Journal of Law and Economics. 2017. Vol. 43, Issue 3. Pp. 393–417.

76. Pacchi S. Enterprise and Crisis: Efficiency of the Mechanisms of Resolution of the Crisis from the Experience of Italian Law // Revista Chilena De Derecho. 2017. Vol. 44, Issue 2. Pp. 371–393.

77. Staszkievicz P., Morawska S. The Efficiency of Bankruptcy Law: Evidence of Creditor Protection in Poland // European Journal of Law and Economics. 2019. Vol. 48, Issue 3. Pp. 365–383.

References

1. Aleksandrov O. V. "Regulyatornye gil'otiny": mezhdunarodnyy opyt ustraneniya prepyatstviy dlya biznesa i investirovaniya [Regulatory Guillotines: International Experience in Removing Barriers to Business and Investment]. *Torgovaya politika – Trade Policy*. 2019. Issue 1 (17). Pp. 107–119. (In Russ.).

2. Aleksandrova Z. E. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. Moscow, 1968. 600 p. (In Russ.).

3. Bayl'dinov E. T. *K voprosu ob effektivnosti sovremennogo mezhdunarodnogo prava* [On the Efficiency of Modern International Law]. *Sovremennoe pravo – Modern Law*. 2011. Issue 1. Pp. 134–142. (In Russ.).

4. Black J. *Ekonomika. Tolkovyy slovar': anglo-russkiy* [Economics. Explanatory Dictionary: English-Russian]. Moscow, 2000. 829 p. (In Russ.).

5. Varlamova N. V. *Effektivnost' pravovogo regulirovaniya: pereosmyslenie koncepcii* [Efficiency of Legal Regulation: Rethinking the Concept]. *Pravovedenie*. 2009. Issue 1. Pp. 212–232. (In Russ.).

6. Vishnevskiy A. A. *Zavereniya ob obstoyatel'stvakh: k voprosu ob effektivnosti pravovoy konstrukcii* [Statements of Circumstances: Their Efficiency]. *Zakon*. 2017. Issue 11. Pp. 176–183. (In Russ.).

7. Vlasov M. P. *Ekonomiko-matematicheskie metody v kommercheskoy deyatel'nosti* [Economic and Mathematical Methods in Commercial Activities]. St. Petersburg, 2012. (In Russ.).

8. Gadzhiev G. A. *Normokontrol' v sochetanii s deliktными iskami – effektivniy sposob zashchity prav predprinimateley. Kommentariy k Postanovleniyu KS RF ot 06.07.2018 № 29-P* [Regulatory Compliance Verification Combined with Tort Lawsuits is an Effective Way to Protect the Rights of Entrepreneurs. Commentary on the Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 29-P of July 6, 2018]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federacii* – Herald of Economic Justice. 2018. Issue 12. Pp. 63–71. (In Russ.).

9. Gubin E. P. *Gosudarstvennoe regulirovaniye rynochnoy ekonomiki i predprinimatel'stva: pravovye problemy* [State Regulation of Market Economy and Entrepreneurship: Legal Problems]. Moscow, 2006. 312 p. (In Russ.).

10. Didikin A. B. *“Regulyatornaya gil'otina” v mekhanizme vzaimodeystviya rossiyskogo gosudarstva i obshchestva* [‘Regulatory Guillotine’ in the Mechanism of Interaction of the Russian State and Society]. *Akademik* – Academician. 2019. Issue 2. Pp. 10–15. (In Russ.).

11. Didikin A. B. *Monitoring fakticheskogo vozdeystviya v sisteme pravovykh sredstv uluchsheniya regulyatornoy sredy* [Monitoring the Actual Effect in the System of Legal Means of Improving the Regulatory Environment]. *Monitoring pravoprimeneniya* – Monitoring of Law Enforcement. 2019. Issue 3 (32). Pp. 16–20. (In Russ.).

12. Zhinkin S. A. *O vliyaniy psikhologicheskikh faktorov na effektivnost' norm prava* [On the Influence of Psychological Factors on the Effectiveness of the Rule of Law]. *Yurist-Pravoved* – Jurist-Legist. 2007. Issue 6 (25). Pp. 74–76. (In Russ.).

13. Zhinkin S. A. *O metodologicheskikh principakh issledovaniya effektivnosti norm zakonodatel'stva* [On the Methodological Principles of Studying the Efficiency of Legislative Norms]. *Rossiyskiy sledovatel'* – Russian Investigator. 2008. Issue 19. Pp. 33–34. (In Russ.).

14. Zhinkin S. A. *O novykh metodologicheskikh podkhodakh k issledovaniyu problem ef-*

ektivnosti prava [On the New Methodological Approaches to Studying the Problems of Efficiency of Law]. *Rossiyskiy sledovatel'* – Russian Investigator. 2009. Issue 10. Pp. 30–31. (In Russ.).

15. Zhinkin S. A. *Psikhologicheskie problemy effektivnosti prava* [Psychological Problems of the Efficiency of Law]. St. Petersburg, 2009. 337 p. (In Russ.).

16. Zhinkin S. A. *Effektivnost' prava: antropologicheskoe i cennostnoye izmerenie: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Efficiency of Law: Anthropological and Value Dimension: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Krasnodar, 2009. 41 p. (In Russ.).

17. Zakharkina A. V., Kuznetsova O. A. *Razvitiye instrumentov pryamogo finansirovaniya sub"ektov malogo i srednego predprinimatel'stva: pravovoy aspekt* [Development of the Instruments for Direct Financing of Small and Medium-Sized Business: the Legal Aspect]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2019. Issue 46. Pp. 651–671. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-651-671. (In Russ.).

18. Ibragimova S. V. *Sotsial'naya effektivnost' prava* [The Social Effectiveness of Law]. *Permskiy yuridicheskii al'manakh* – Perm Legal Almanac. 2018. Issue 1. Pp. C. 227–232. (In Russ.).

19. Ikonickaya I. A. *Problemy effektivnosti v zemel'nom prave* [Problems of Efficiency in Land Law]. Moscow, 1979. 183 p. (In Russ.).

20. *Kak obespechit' effektivnost' zakona: nauchnoye izdanie / otv. red. Yu. A. Tikhomirov, N. N. Tolmacheva, S. A. Bogolyubov* [How to Ensure the Efficiency of Law: Scientific Publication; ed. by Yu. A. Tikhomirov, N. N. Tolmacheva, S. A. Bogolyubov]. Moscow, 2019. 208 p. (In Russ.).

21. Kamchatov K. V., Zyablina M. V., Aristarkhov A. L. *Povysheniye effektivnosti zashchity prav uchastnikov dogovora uchastiya v dolevom stroitel'stve* [Enhancing Efficient Protection of the Rights of Parties to Shared Construction Contracts]. *Zakonnost'* – Legality. 2017. Issue 8. Pp. 12–16. (In Russ.).

22. Kerimov D. A. *Problemy obshchey teorii prava* [Problems of the General Theory of Law]. Moscow, 2000. 82 p. (In Russ.).

23. Covey S. R. *Sem' navykov vysokoefektivnykh lyudey: Moschnye instrumenty razvitiya lichnosti* [The 7 Habits of Highly Effective People: Restoring the Character Ethic]. Moscow, 2012. 530 p. (In Russ.).

24. Kozhevnikov V. V. *Effektivnost' norm prava i effektivnosti ikh primeneniya: problema sootnosheniya* [The Efficiency of Legal Norms and the Efficiency of Their Application: the Problem of Relation]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* – Law and State: Theory and Practice. 2017. Issue 3 (147). Pp. 39–44. (In Russ.).
25. Kozlov V. A. *Voprosy teorii effektivnosti pravovoy normy: avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk* [Issues of the Theory of the Legal Norm Efficiency: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Leningrad, 1976. 26 p. (In Russ.).
26. Kozlova N. V. *Razvitie instituta ocenki reguliruyushchego vozdeystviya: vvedenie mekhanizma «regulyatornoy gil'otiny»* [The Development of the Institute of Regulatory Impact Assessment: Introducing a 'Regulatory Guillotine']. *Akademik* – Academician. 2019. Issue 2. Pp. 16–19. (In Russ.).
27. *Kommercheskaya elektroenergetika: slovar'-spravochnik* [Commercial Electroenergetics: Glossary]. Moscow, 2006. 112 p. (In Russ.).
28. Kostin A. A., Posmetukhina E. A. *Sootnoshenie ponyatiy "effektivnost'" i "rezul'tativnost'" na primere tamozhennoy deyatel'nosti* [Elucidation of the Relation of 'Productivity' and 'Effectiveness' Concepts through the Example of Customs Activities]. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo* – Russian Journal of Entrepreneurship. 2014. Vol. 15, Issue 3. Pp. 75–88. (In Russ.).
29. *Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya kak formy preobrazovaniya ugovnogo zakonodatel'stva / otv. red. V. P. Kashepov* [Criminalization and Decriminalization as a Form of Transformation of Criminal Legislation; ed. by V. P. Kashepov]. Moscow, 2018. 280 p. (In Russ.).
30. Kurochkin S. A. *Ob effektivnosti norm grazhdanskogo processual'nogo prava* [On Efficiency of Norms of Civil Procedural Law]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2012. Issue 4 (184). Pp. 24–32. (In Russ.).
31. Laychenkova N. N. *Otdel'nye aspekty sootnosheniya ponyatiy "ekonomicheskaya effektivnost'" i "effektivnost' finansovogo prava"* [Certain Aspects of the Relationship between the Concepts of 'Economic Efficiency' and 'Efficiency of Financial Law']. *Leningradskiy juridicheskiy zhurnal* – Leningradskiy Juridical Journal. 2018. Issue 2 (52). Pp. 155–162. (In Russ.).
32. Lapaeva V. V. *Effektivnost' zakona i metody ee izucheniya* [Efficiency of Law and Methods of Studying It]. *Effektivnost' zakona (metodologiya i konkretnye issledovaniya) / otv. red. V. M. Syrykh, Yu. A. Tikhomirov* [Efficiency of Law (Methodology and Specific Research); ed. by V. M. Syrykh, Yu. A. Tikhomirov]. Moscow, 1997. Pp. 28–44. (In Russ.).
33. Libanova S. E. *Zavisimost' effektivnosti norm grazhdanskogo prava ot edinoobraziya pravoprimeneniya* [Dependence of the Efficiency of Civil Law Rules on the Uniformity of Law Enforcement]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2009. Issue 10. Pp. 70–75. (In Russ.).
34. Lopatnikov L. I. *Ekonomiko-matematicheskii slovar': slovar' sovremennoy ekonomicheskoy nauki* [Economics and Mathematics Dictionary: Dictionary of Modern Economics]. Moscow, 2003. 519 p. (In Russ.).
35. Lyubimov Yu., Novak D., Cygankov D., Nesterenko A., Varvarin A., Ibragimov R., Zharkova O., Moskvitin O., Maslova N., Verle E. *«Regulyatornaya gil'otina»* ['Regulatory Guillotine']. *Zakon*. 2019. Issue 2. Pp. 20–36. (In Russ.).
36. Marochkin S. Yu. *Problema effektivnosti norm mezhdunarodnogo prava* [The Problem of the Efficiency of International Law Rules]. Irkutsk, 1988. 147 p. (In Russ.).
37. Nersesyanc V. S. *Filosofiya prava* [The Philosophy of Law]. Moscow, 2006. 848 p. (In Russ.).
38. Nikitinskiy V. I. *Effektivnost' norm trudovogo prava* [Efficiency of Labor Law Rules]. Moscow, 1971. 248 p. (In Russ.).
39. Nugaeva N. R. *Problema effektivnosti prava v istorii otechestvennogo pravovedeniya* [Problem of Law Efficiency in the History of Domestic Jurisprudence]. *Istoriya gosudarstva i prava* – History of State and Law. 2015. Issue 21. Pp. 8–13. (In Russ.).
40. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1999. 944 p. (In Russ.).
41. Pashkov A. S., Yavich L. S. *Effektivnost' deystviya pravovoy normy (k metodologii i metodike sociologicheskogo issledovaniya)* [Efficiency of the Legal Norm (on the Methodology and Techniques of Sociological Research)]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* – Soviet State and Law. 1970. Issue 3. Pp. 40–48. (In Russ.).
42. Pikurov N. I. *Problemy prognozirovaniya rezul'tatov deystviya novogo ugovnogo zakona* [Problems of Predicting Results of a New Criminal Law Coming into Force]. *Zakony Rossii: opyt,*

analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2018. Issue 2. Pp. 9–18. (In Russ.).

43. Prokhorov L. A., Prokhorova M. L. *Effektivnost' ugovorno-pravovykh garantiy realizatsii prava na oplatu truda i poluchenie ustanovlennykh zakonom vyplat (st. 145.1 UK RF)* [The Efficiency of Criminal Law Guarantees for the Implementation of the Right to Labour Remuneration and the Receipt of the Statutory Payments (Criminal Code of the Russian Federation, Art. 145(1))]. *Rossiyskiy sledovatel'* – Russian Investigator. 2016. Issue 19. Pp. 32–35. (In Russ.).

44. *Psikhologiya A-Ya. Slovar'-spravochnik* [Psychology A-Z. Glossary]. Moscow, 2000. 448 p. (In Russ.).

45. Punchenko S. I. *O yuridicheskoy, social'noy i inykh vidakh effektivnosti norm prava* [On the Legal, Social and Other Types of Efficiency of Legal Norms]. *Yuridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta* – Legal Bulletin of the Kuban State University. 2010. Issue 5. Pp. 64–66. (In Russ.).

46. Punchenko S. I. *Social'naya effektivnost' prava v sovremennoy Rossii (teoreticheskiy aspekt): dis. ... kand. jurid. nauk* [Social Effectiveness of Law in Modern Russia (Theoretical Aspect): Cand. jurid. sci. diss.]. Krasnodar, 2016. 169 p. (In Russ.).

47. Rayzberg B. A., Lozovskiy L. Sh., Starodubceva E. B. *Sovremennyy ekonomicheskij slovar'* [Modern Economics Dictionary]. Moscow, 1997. 496 p. (In Russ.).

48. Rogacheva O. S. *Nauchno-teoreticheskaya interpretatsiya kategorii "effektivnost'" v administrativno-deliktnom prave* [Scientific and Theoretical Interpretation of Category 'Efficiency' in Administrative Delict Law]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* – Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2009. Issue 2 (7). Pp. 260–275. (In Russ.).

49. Rumak V. *Vazhno ne stavit' vo glavu ugla pravovye tradicii, a reshat' ekonomicheskuyu zadachu (Interv'yu s E.P. Gubinyam)* [It Is Important to Solve the Economic Problem Rather than Prioritize Legal Traditions (Interview with E.P. Gubin)]. *Zakon*. 2019. Issue 3. Pp. 8–18. (In Russ.).

50. Salamatina I. V., Smol'nikov D. I. *Normativnoe deregulirovanie v Rossii* [Deregulation in Russia]. *Zakon*. 2018. Issue 3. Pp. 37–44. (In Russ.).

51. Seleznev V. A. *O sporadichnosti primeneniya otdelnykh norm Osobennoy chasti KoAP RF ob administrativnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lic* [On the Sporadic Application of Certain Provisions of the Special Part of the Administrative Code on Administrative Liability of Legal Entities]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2019. Issue 6. Pp. 137–150. DOI: 10.12737/jrl.2019.6.13. (In Russ.).

52. *Sovetskie zakony, dozvivshie do 2020-go: nalog na kholostyakov i instrukciya po bor'be s mukhami* [Soviet Laws that Have Survived to 2020: Bachelor Tax and Instructions for Combatting Flies]. *Komsomol'skaya Pravda*. 2020. February 19–26. (In Russ.).

53. Tikhomirov Yu. A. *Effektivnost' zakona i monitoring* [Efficiency of Law and Monitoring]. Moscow, 2010. 52 p. (In Russ.).

54. Tikhomirov Yu. A. *Effektivnost' zakona: ot celi k rezul'tatu* [Efficiency of Law: from Purpose to Result]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2009. Issue 4. Pp. 3–9. (In Russ.).

55. Fedosova V. A. *Effektivnost' deystviya norm sovetskogo gosudarstvennogo prava* [The Effectiveness of the Norms of Soviet State Law]. Voronezh, 1984. 157 p. (In Russ.).

56. *Filosofiya: Enciklopedicheskiy slovar' / pod. red. A. A. Ivina* [Philosophy: Encyclopedic Dictionary; ed. by A. A. Ivin]. Moscow, 2004. 1072 p. (In Russ.).

57. Khoroshil'cev A. I. *Effektivnost' prava: ponyatie i osobennosti* [Efficiency of Law: Concept and Features]. *Obshchestvo i pravo* – Society and Law. 2011. Issue 2 (34). Pp. 47–51. (In Russ.).

58. Khropanyuk V. N. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, 1995. 384 p. (In Russ.).

59. Shundikov K. V. *Celi, sredstva i rezul'taty v pravorealizatsionnom processe* [Goals, Tools and Results in the Legal Process]. *Pravovedenie*. 2001. Issue 4. Pp. 30–39. (In Russ.).

60. Shuplecova Yu. I. *Pravovoe regulirovanie lesnykh otnosheniy v Rossiyskoy Federacii: monografiya* [Legal Regulation of Forestry Relations in the Russian Federation: Monograph]. Moscow, 2018. 216 p. (In Russ.).

61. *Effektivnost' zakonodatel'stva: voprosy teorii i praktika / otv. red. Yu. A. Tikhomirov, V. P. Emel'yancev* [Efficiency of Legislation: Theory and Practice; ed. by Yu. A. Tikhomirov, V. P. Emel'yantsev]. Moscow, 2015. 336 p. (In Russ.).

62. *Effektivnost' pravovykh norm* / Kudryavcev V. N., Nikitskiy V. I., Samoschenko I. S., Glazyrin V. V. [Efficiency of Legal Norms; V. N. Kudryavtsev, V. I. Nikitskiy, I. S. Samoshchenko, V. V. Glazyrin]. Moscow, 1980. 280 p. (In Russ.).

63. *Yurlov S. A. Opredelennost' normativnogo regulirovaniya sporta kak predposylka ustanovleniya chetkikh predelov avtonomii sportivnykh organizatsiy i effektivnoy zashchity prav sportsmenov* [Certainty of Regulatory Activities as a Prerequisite to Establishment of Clear Limits of the Autonomy of Sports Organizations and the Effective Protection of the Rights of Athletes]. *Lex Russica*. 2018. Issue 10. Pp. 85–97. (In Russ.).

64. *Camacho-Miñano M., Pascual-Ezama D., Urquia-Grande E.* On the Efficiency of Bankruptcy Law: Empirical Evidence in Spain. *International Insolvency Review*. 2013. Vol. 22, Issue 3. Pp. 171–187. (In Eng.).

65. *Coleman J. L.* Efficiency, Exchange, and Auction: Philosophic Aspects of the Economic Approach to Law. *California Law Review*. 1980. Vol. 68, Issue 2. Pp. 221–249. (In Eng.).

66. *Cooter R. D.* Liberty, Efficiency, and Law. *Law and Contemporary Problems*. 1987. Vol. 50, Issue 4. Pp. 141–163. (In Eng.).

67. Efficiency and a Rule of Free Contract – a Critique of 2 Models of Law and Economics. *Harvard Law Review*. 1984. Vol. 97, Issue 4. Pp. 978–996. (In Eng.).

68. *Etsegenet Kedir M.* Major Women's Right Issues in Ethiopia: Examining Efficiency of the Law and its Enforcement. *International Journal of Human Rights and Constitutional Studies*. 2017. Vol. 5, Issue 1. Pp. 43–59. (In Eng.).

69. *Fokou E., Bélanger A.* Effectiveness and Efficiency: Epistemological Obstacles to Econom-

ism in Civil Law of Contracts. *Revue Générale de Droit*. 2019. Vol. 49, Issue 1. Pp. 5–66. (In Eng.).

70. *Garello P.* The Breach of Contract in French Law: between Safety of Expectations and Efficiency. *International Review of Law and Economics*. 2002. Vol. 22, Issue 4. Pp. 407–420. (In Eng.).

71. *Harel A.* Efficiency and Fairness in Criminal Law – the Case for a Criminal-Law Principle of Comparative Fault. *California Law Review*. 1994. Vol. 82, Issue 5. Pp. 1181–1229. (In Eng.).

72. *Liscow Z.* Counter-Cyclical Bankruptcy Law: an Efficiency Argument for Employment-Preserving Bankruptcy Rules. *Columbia Law Review*. 2016. Vol. 116, Issue 6. Pp. 1461–1501. (In Eng.).

73. *Luttikhuis K.* The Effectiveness and Efficiency of Corporate Insolvency Law-Part Two. *International Insolvency Review*. 2009. Vol. 18, Issue 3. Pp. 237–253. (In Eng.).

74. *Margolis S.* Two Definitions of Efficiency in Law and Economics. *Journal of Legal Studies*. 1987. Vol. 16, Issue 2. Pp. 471–482. (In Eng.).

75. *Niblett A.* On the Efficiency of the Common Law: an Application to the Recovery of Rewards. *European Journal of Law and Economics*. 2017. Vol. 43, Issue 3. Pp. 393–417. (In Eng.).

76. *Pacchi S.* Enterprise and Crisis: Efficiency of the Mechanisms of Resolution of the Crisis from the Experience of Italian Law. *Revista Chilena de Derecho*. 2017. Vol. 44, Issue 2. Pp. 371–393. (In Eng.).

77. *Staszkievicz P., Morawska S.* The Efficiency of Bankruptcy Law: Evidence of Creditor Protection in Poland. *European Journal of Law and Economics*. 2019. Vol. 48, Issue 3. Pp. 365–383. (In Eng.).